

ТЭД
УИЛЬЯМС

БРАТЬЯ
ВЕТРА

СВЕТЛЫЙ
АРД

РОЖДЕНИЕ
КОРОЛЯ БУРЬ

fanzon

Остен Ард

Тэд Уильямс

**Братья ветра. Легенды
Светлого Арда**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Братья ветра. Легенды Светлого Арда / Т. Уильямс — «Эксмо»,
2021 — (Остен Ард)

ISBN 978-5-04-172523-5

Предыстория популярной вселенной «Светлый Ард», но сюжет самостоятельный, можно читать отдельно от других романов серии. Подходит для знакомства с творчеством автора. Красивая и трагическая история в духе классики эпического фэнтези. В далекие времена ситхи процветали под внимательным взором мудрых властителей, а человеческая жадность еще не раздула огонь вражды между смертными и бессмертными. Но кроме жадности есть и гордыня. И начинается эта история в тот момент, когда гордыня толкает принца Инелуки к безрассудной клятве сразить дракона — Черного Червя Хидохеби. Старшего брата принца, Хакатри, и его верного оруженосца Памона Кеса из народа тинукедая, ждет множество испытаний, ведь именно им предстоит предотвратить катастрофу, которую несет с собой клятва Инелуки, вошедшего в историю как беспощадный Король Бурь. «Неотъемлемая часть любой библиотеки научной фантастики и фэнтези». — Кристофер Паолини «Тэд Уильямс — превосходный рассказчик, а книги про Светлый Ард — его шедевр. Возвращение Уильямса в Светлый Ард столь же убедительно, глубоко и красочно, как и первая трилогия, и он продолжает писать с опытом и мастерством автора, находящегося на вершине своей карьеры». — Брэндон Сандерсон «Повествование ведется верным до последнего вздоха оруженосцем Хакатри, Памоном Кесом, в нем чувствуется весомость и неизбежность, что хорошо сочетается с очевидным влиянием Толкина». — Publishers Weekly

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-172523-5

© Уильямс Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Благодарности	7
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тэд Уильямс Братья Ветра Легенды Светлого Арда

Посвящение

Эта книга посвящается нашему дорогому другу Синди Ян, которая покинула нас в 2020 году после сражения с раком, длившегося много лет. Некоторые в нашем сообществе знали ее под именем Синяя или Сьян, для всех, кто был с ней знаком, она стала потрясающим другом. Ее энергия и острое чувство юмора, а также решительное стремление взять от жизни все что возможно означали, что, хотя она и оставила нас слишком рано, она не потратила впустую ни одного мгновения из отведенного ей времени.

Синди стала важной частью нашего мира, а также огромной частью мира многих из тех, кто ее окружал. Радость общения с ней и то, что нам повезло быть с ней знакомыми, стали чувствоваться особенно остро после того, как она нас покинула. Прощай, наша храбрая и горячо любимая подруга. Нам всегда будет тебя не хватать.

Я также хочу разделить это посвящение с другом и соседом Синди Марком Гэмблом, который так прекрасно и беззаветно заботился о Синди в ее последние месяцы. От лица Синди и друзей, которые любили ее так же, как ты, я благодарю тебя, Марк.

**Tad Williams
Brothers Of The Wind**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2021 Beale Williams Enterprise
All Rights Reserved

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Благодарности

Все книги про Светлый Ард, написанные с того момента, как я вернулся к нему после многолетнего отсутствия, выиграли больше, чем у меня найдется слов, чтобы об этом сказать, от работы чудесных людей, что постоянно меня поддерживали (сначала аккуратно сбив с ног) в желании снова писать о мире, изначально придуманном мной, но о котором на самом деле они знали больше и лучше меня.

(Писатели, по крайней мере этот конкретный, не особо склонны размышлять над своими прежними сочинениями. Всегда «Вперед, к следующей истории!») А потому то, что новые книги про Светлый Ард являются безупречным продолжением первых серий, во многом их заслуга. Я готов взять на себя вину за вопиющие отклонения – хотя иногда автор вынужден придумывать что-то новенькое.

В любом случае список почти бесконечен, но я назову имена тех, кто более остальных виновен в том, что они заставили Тэда проснуться, иными словами, официальные канониры: Ильва фон Лохнейсен, Рон Хайд, Анджела Вельчел, Джереми Эрман.

Моя команда поддержки в создании книг: Дебора Билль (жена, редактор и Официальная Любимая), издатели и работающие на издательство великолепная Бетси Воллхейм, Шейла Гилберт, Джош Старр и Мэрилу Кейпс-Платт.

Огромную роль среди тех, кто пинал Тэда, сыграли Лайза Твейт (администратор сайта tadwilliams.com), а также добрые и терпеливые люди из отдела писем и социальных медиасайтов Тэда Уильямса, которые никогда не жаждали моей крови и невероятно терпеливо ждали новых книг.

Тысячи благодарностей в их адрес будет совершенно недостаточно. Миллион – ближе к тому, что они заслужили, но тогда вполне возможно, что вы не прочитаете мою историю, так что я остановлюсь на тысяче.

Да благословит вас всех Господь.

Часть первая

Черный Червь

Я решил взять на себя задачу познакомить вас с историей моего господина Хакатри, во всяком случае, той ее частью, которой сам являлся свидетелем, но даже сейчас, до того, как я начал, меня переполняют сомнения. Мне не под силу поведать вам о моем господине, не рассказав немного о себе, но я очень сильно изменился по сравнению с тем, кто так долго путешествовал рядом с ним. То, что с нами произошло, изменило меня почти в той же степени, что и Хакатри, и теперь я едва помню, кем был тогда. Тем не менее *этот* Памон Кес постарается изо всех сил, чтобы вы узнали, что *тот* Памон Кес видел, слышал и чувствовал в те роковые времена.

Мне неизвестно, кто будет читать то, что я напишу, но чувствую, что должен это сделать. Годы проходят, со временем смерть закроет мои глаза и заставит замолчать. Знание о тех важных событиях не может принадлежать лишь мне, оно должно стать достоянием всех наследников Потерянного Сада.

И все же мне больно рассказывать печальную правду, пусть и защищаясь щитом истины. Многие с пренебрежением отнесутся к моим словам, ведь я тинукедая – «подменыш», как нас часто называют: принято считать, что мы менее достойные существа, чем наши хозяева зида'я. Но я прошу тех, кого, возможно, разгневает моя история, понять, что, несмотря на произошедшее, я по-прежнему храню верность Дому Ежегодного Танца и народу Асу'а. И единственный шанс ее показать и воздать должное моему господину – это записать все именно так, как я помню, не тревожась о боли, которую кто-то испытает, прочитав мои воспоминания.

«Долг есть честь, – так часто повторял мой суровый отец. – А честь – это все».

Но я изменю его слова. Я узнал, что наш первейший долг – правда, потому что без нее даже честь становится лживой.

Луна Змеи подходила к концу, начинался Сезон Обновления, и погода стала меняться. В это время года все казалось обычным: холодное, но чистое небо над городом – так продолжалось уже несколько дней, запели птицы.

После того как я встал и вознес молитву Потерянному Саду, как меня научила мать Энла, когда я был совсем маленьким, я направился в большие королевские конюшни, чтобы проверить, как заботятся о лошадях моего господина, понаблюдать за утренним кормлением, определить, кто из них в хорошей форме, а кто страдает от травм. День казался самым обычным. Вокруг меня тинукедая, чей статус уступал моему, главным образом грумы и конюшие, напряженно работали, кормили лошадей, чистили шкуры, выгуливали их на белом песке огромного двора и ухаживали за ними самыми разными способами. Конюшни Асу'а славились древней и гордой родословной своих лошадей, и те, кто за них отвечал, также этим гордились.

Йоу, оруженосец Инелуки, брата моего господина, – смертные юга называли бы ее «сквайром», – оказалась единственным зида'я в конюшнях, когда я вошел. Йоу была худой даже для своей стройной расы, но обладала сильными пальцами, отличалась практичностью и всегда заплетала волосы, чтобы они не мешали работать. Она тихонько напевала, приучая девятимесячного жеребенка к уздечке. Наши глаза встретились, но она лишь коротко кивнула в качестве приветствия. Я также являлся оруженосцем, как и Йоу, но никто из сквайров зида'я даже не пытался соблюдать со мной вежливость, однако Йоу хотя бы обращала на меня внимание. К тому же у нее имелось объяснение не слишком сердечному приветствию: возня с жеребенком, который впервые почувствовал уздечку, требовала полнейшего внимания.

Нашим скакунам не нравится, когда что-то надевают им на морды – даже легкую уздечку. (Я никогда не понимал, как смертные умудряются использовать мундштуки. Скакуны Асу'а не стали бы такое терпеть.) Некоторое время я наблюдал, как Йоу поднимает и опускает уздечку, осторожно натягивая поводья. Жеребенок слегка отворачивал голову, но Йоу погладила его, и он успокоился под звуки древней песни. Я вновь принялся изучать лошадей хозяина.

Я вытаскивал камень из копыта Морской Пены и размышлял, стоит ли обратиться к кузнецу, чтобы тот поменял подкову, когда в конюшню со двора вбежал молодой грум тинукед'я. Его звали Нали-Ян, и его лицо покраснело от волнения.

– Мастер Памон, во дворце смертные! – громко сообщил он.

Йоу повернулась к нему.

– Ты совсем идиот? – прошипела она, пытаясь успокоить напуганного жеребенка. – Ревешь, как животное! Сохраняй тишину, подменыш!

Я отвел Нали-Яна в сторону.

– А когда смертных *не* было во дворце? – тихо спросил я. – Они каждый день, еще до рассвета, выстраиваются у ворот, чтобы что-нибудь продать или обменять. Они болтаются во Дворе для посетителей, каркают на всех прохожих, точно вороны, надеясь на аудиенцию с Са'онсерой и Защитником – которую им никогда не получить. Стоит нам выйти из внутреннего дворца, и мы наткнемся на какого-нибудь смертного. Почему ты кричишь из-за столь обычных вещей?

– У вас совершенно отсутствует гибкость, Памон Кес, – пожаловался он. – Моя новость очень даже *необычная*.

– Как и крики в конюшне. – Но мне не хотелось ругать другого тинукед'я в присутствии Йоу – она и остальные оруженосцы зида'я и без того были не слишком высокого о нас мнения. – Ну так расскажи, почему появление нескольких смертных показалось тебе удивительным событием?

– Потому что это целый *отряд* смертных с Запада. Они пришли, чтобы получить аудиенцию – и леди Амерасу дала на нее согласие. Она начнется, когда прозвонит утренний колокол. Вы должны срочно туда отправиться!

– Только не заставляй меня снова просить тебя соблюдать тишину, – сурово предупредила его Йоу.

Я постарался сохранять спокойствие во время разговора с молодым грумом.

– Почему мне следует спешить? Чтобы увидеть нескольких смертных? Что тут нового?

– И все же вы *захотите* поспешить, – с улыбкой сказал он. – Потому что ваш господин, лорд Хакатри, желает, чтобы вы сопровождали его в Зал Тысячи Листьев.

– Ты глупец. – Теперь я почувствовал настоящее раздражение. – Тебе следовало с этого начать.

Само собой разумеется, я быстро привел себя в порядок и поспешил в большой зал, жалея, что меня задержала глупость грума. К тому моменту, когда я вошел в вестибюль большого зала, там уже начали собираться придворные. В основном зида'я с золотистой кожей, как у моего господина, но среди них я заметил нескольких хикед'я с белоснежными лицами, они

принадлежали к родственному зида'я клану. (У нас, тинукеда'я, тоже золотистая кожа, но не такого яркого оттенка, как у наших господ зида'я, точно вино, разбавленное водой.) В Асу'а осталось совсем мало хикеда'я, многие последовали за объявившей себя королевой Утук'ку на север, в горный город Наккига, и теперь те, что обладали черными, точно оникс, глазами и бледной кожей, подобной выскобленному пергаменту, заметно выделялись среди остальных. Хикеда'я, принявшие решение жить в Асу'а, среди зида'я, поступили так из-за родственных связей. И, хотя их соплеменники на севере, возможно, презирали такой выбор или даже считали их предателями, хикеда'я в Асу'а по-прежнему свободно общались и строили близкие отношения с главенствующим кланом, как будто великого разделения не было.

Когда я вошел в зал, первые лучи утреннего солнца уже начали проникать в окна Зала Тысячи Листьев, искрясь на мириадах оттенков одежды и волос обитателей Асу'а. Высоко над нашими головами свет озарил разноцветные крылья бабочек, которые сидели на потолочных балках священного купола, известного под именем Ясира, и медленно просыпались после ночного сна.

На помосте под открытым небу куполом сидели главные представители Дома Ежегодного Танца – точнее, большинство из них. Первыми, конечно, являлись Са'онсера Амерасу и Защитник Ийю'Анигато, родители моего господина Хакатри. Его жена Брисейю также присутствовала, она держала на коленях их маленькую дочь Ликимейю, которой это не нравилось. Пришел даже младший брат моего господина Инелуки, решивший присоединиться к семье. Единственным членом Дома Ежегодного Танца, отсутствовавшим на помосте, был мой господин.

Когда я вертел головой, оглядывая большой зал – обычно Хакатри являлся образцом пунктуальности, – я наконец заметил полдюжины фигур, которые стояли на коленях на полу у помоста, глядя на правителей клана Ежегодного танца, точно пленники в надежде на милосердие. Спутанные волосы, бороды, как у большинства представителей их народа, грубая одежда из шерсти и шкур животных – неухоженные волосы и шкуры делали их похожими скорее на зверей, чем на разумных существ.

Тот, кто, по моим представлениям, являлся у них главным, выглядел молодым, но был таким же волосатым и небритым, как все остальные, а его глаза показались мне маленькими и осторожными по сравнению с глазами народа моего господина – или моего собственного, если уж на то пошло. Его волосы и усы были огненно-рыжими – прежде мне не приходилось видеть у смертных такого яркого оттенка, – словно он их красил. И еще я подумал, что его лицо выглядит открытым и любознательным – он обладал очевидным умом, и его дикий внешний вид не мог этого скрыть.

Амерасу, Рожденная на Корабле, также изучала смертных, выражение ее лица оставалось спокойным и милостивым, как если бы она молилась. Са'онсера была в своем обычном одеянии скромного серого цвета, подобного дождевым облакам или бархатистой грудке голубя, но оно не делало ее незаметной – ничего подобного. Даже ее муж, великий Ийю'Анигато, главный Защитник всех кланов зида'я, казалось, оставался в тени рядом с ней. Мудрое, благородное лицо Амерасу притягивало взгляды, точно пламя свечи в темной комнате.

Она подняла руку, и все собравшиеся смолкли.

– Мы приветствуем вас, люди Запада. – Ее негромкий голос прекрасно слышали даже те, кто находился в дальних углах зала. – Вы гости в нашем доме, и вам не следует ничего опасаться. – Потом она повернулась к молодому вождю смертных. – Назови нам свое имя и цель визита.

Командир отряда смертных склонил голову.

– Благодарю, ваше величество, – ответил он. – Мы признательны вам за то, что вы и ваш муж согласились нас выслушать. Для нас огромная честь предстать перед королем и королевой зида'я.

Амерасу мягко улыбнулась в ответ, но те, кто ее хорошо знал, заметили легкое недовольствие.

– Юноша, это титулы смертных и не имеют к нам отношения. Мой муж является Защитником Дома Ежегодного Танца, а я хранительница обычаев. Наше правление наделено лишь той властью, которую нам дает уважение народа.

Смертный снова поклонился.

– Простите наше невежество, миледи. Прошло много лет с тех пор, как представители моего народа посещали великий Асу'а, и мы не знаем ваших обычаев. Лишь страшная нужда привела нас сюда, и мы осмелились вас потревожить.

– Ты все еще не назвал своего имени или свой дом, – напомнила Амерасу.

– Что они хотят? – спросил ее муж, который, как казалось, размышлял совсем о других вещах, несмотря на то что вокруг собрался весь Асу'а. – Мы еще не знаем?

– Простите меня, лорд и леди. – Смертный покраснел, что показалось мне странным, словно в нем загорелся скрытый огонь, просвечивавший сквозь кожу щек и длинной шеи. – Я принц Кормах, внук короля Горлаха, наша родословная берет начало от Эрна Великого. А королевство находится в месте, которое вы называете М'йин Азошаи, у гряды западных гор – как вам хорошо известно, милорды и леди, ведь эти земли Эрну отдал ваш народ.

Я смутно знал древнюю историю, но Амерасу кивнула.

– Да, эти земли подарены Эрну Охотнику, что подтвердили мои отец и мать, – сказала она. – Но мы все еще не знаем, что привело вас сюда.

– Смело поведайте нам причину вашего появления здесь, смертные, – широко улыбаясь, сказал Инелуки. – Быть может, погода в горах Азошаи показалась вам суровой и вы хотите вернуть эти земли зида'я. – Брат моего господина любил шутить, однако легко обижался, когда сам становился объектом шуток. – Или ваши овцы забрели на наши земли?

Казалось, смертный по имени Кормах не совсем понял, шутит ли Инелуки, и поспешно повернулся к Амерасу.

– Оба утверждения не соответствуют истине! Мы приехали, чтобы встать перед вами на колени, лорд и леди Асу'а, потому что мы оказались в ужасающем положении. Никаких других причин для визита нет.

– Не тревожься, – ответила Амерасу. – Мой младший сын любит шутить. – Она бросила на Инелуки взгляд, полный сдержанной любви, но показала, что ей не нравится, когда кто-то дразнит гостей, вне зависимости от того, смертные они или нет. – Расскажи, что на самом деле привело вас к нам, принц Кормах. Я обещаю, мы выслушаем тебя со всем возможным уважением.

Как и у остальных, с интересом наблюдавших за необычной аудиенцией, мое внимание было сосредоточено на помосте, и, когда кто-то сжал мой локоть, я едва не вскрикнул от неожиданности.

– Я искал тебя, Памон, – прошептал мой господин, который возник рядом бесшумно, словно тень. – Где ты был?

– Здесь, с того момента, как Нали-Ян передал мне ваше пожелание.

Лорд Хакатри недовольно покачал головой, но потом улыбнулся.

– Я сказал юному негоднику, что буду ждать тебя *перед* залом. И торчал там довольно долго.

– Я сожалею, мой господин, – ответил я. – Если хотите, я помогу вам его отыскать и как следует вздуть. Он бесполезен, точно сверчок.

– Ну вот, – сказал сидевший на помосте Ийю'Анигато, – теперь я вижу, что вся моя семья в сборе. Хакатри, присоединяйся к нам.

– Мы поговорим позднее, Памон, – прошептал мой господин и стал пробираться сквозь толпу, чтобы присоединиться к родным.

Смертные с уважением смотрели на него, когда Хакатри проходил мимо, и меня это не удивило: моего господина хорошо знали многие, во всяком случае, благодаря репутации. К тому же он производил неизгладимое впечатление: высокий и грациозный, Хакатри больше походил на мать, чем на отца. Инелуки, напротив, пошел в Ийю'Анигато, получив от него выразительное лицо и широко раскрытые глаза, казавшиеся невинными или озорными. Впрочем, с Инелуки ни в чем нельзя было быть уверенным.

– Я рад, что ты смог присоединиться к нам, сын мой, – сказала Амерасу, когда мой господин усаживался рядом с ней. – Глашатай сообщил нам, что послы пришли с очень важным вопросом.

– Мои извинения, – ответил Хакатри. – Произошла небольшая путаница.

– Мы все собрались здесь – но для чего? – спросил Ийю'Анигато. – Мы до сих пор не знаем, чего хотят смертные.

– Мы жаждем вашей помощи, милорд, – ответил принц смертных. – Мы пришли от имени нашего народа – людей Эрна, – которому вы дали земли, когда-то принадлежавшие леди Азоша. И, боюсь, мы принесли дурные вести. – После коротких колебаний он продолжал: – Один из Великих Червей снова пришел с севера.

После его слов многие из собравшихся начали с тревогой переглядываться.

– Великий Червь? – спросил Ийю'Анигато. – Ты уверен?

– Скорее всего, какой-то жалкий потомок древних драконов, – вмешался Инелуки, небрежно махнув рукой – *слишком много шума из ничего*. – Какая-то ползучая мелочь, напугавшая смертных, которым прежде не доводилось видеть ничего подобного.

– Прошу прощения, милорд, – сказал Кормах. – Мы живем совсем недолго по сравнению с вами, но мы, эрны, тщательно храним знания, большая часть которых получена от вас. Речь идет вовсе не о жалком потомке древних драконов. Это один из Великих Червей – и в его жилах течет старая кровь. На самом деле я видел его собственными глазами – холодный дракон, черный, как панцирь жука, и, если его длина от носа до хвоста составит менее двух дюжин моих шагов, я готов отдать свой меч и щит и стать священником. Мы считаем, что это зверь, которого вы называете Хидохеби – Черный Червь.

Шепот удивления – и мрачных предчувствий – пробежал по большому залу, когда все услышали описание огромного Червя. Длительный конфликт, получивший название «Война с драконами», закончился много Великих лет назад, хотя борьба с потомками Червей продолжалась. Ни одно из старейших жутких чудовищ не появлялось к югу от Снежных полей с тех пор, как Айсога Высокий и сотни воинов из Асу'а и Анвияньиво времен Сендиту уничтожили могучего Белого дракона в северных пустошах.

– Маловероятно, – заявил Инелуки. – Подобных чудовищ никто не видел в течение сотен жизней смертных или даже больше, но и тогда они не появлялись к югу от Снежных полей. Нет, я очень сильно сомневаюсь, что Хидохеби еще существует.

– Я видел чудовище, которое мы называем «Дрочкатейр», – нахмурившись, сказал Кормах, – и у меня нет ни малейших сомнений, что это Хидохеби из легенд. Любые другие варианты еще страшнее – боги не позволяют, чтобы в мире существовало более одного подобного зверя! – Он потрянул головой. – Дракон появился несколько лет назад. Он появился и устроил свое логово в узком ущелье вдоль Серебряного пути, у западной границы наших земель – и мы стали звать это место Долиной Змея. Червь опустошил горы поблизости и каждый день уходит все дальше в поисках добычи. Домашний скот, столь нужные нам коровы и овцы, исчезает даже с высоких лугов, в лигах от проклятой долины. Все наши люди, жившие поблизости, бежали оттуда, и теперь никто не осмеливается приближаться к Серебряному пути. Появление дракона разделило наше маленькое королевство надвое. Боюсь, если в ближайшее время ничего не сделать, чтобы убить или прогнать зверя, он уничтожит наш народ.

– Но почему вы пришли в Асу'а, который находится так далеко от вас? – нахмурившись, спросил Ийю'Анигато. – А как же лорд Эназаши и его клан Серебряный дом? Мезуту'а находится всего в двух днях пути от места, где, по твоим словам, устроил свое логово Червь. Что ты скажешь о них?

Кормах снова тряхнул головой.

– Лорд Эназаши отказался даже нас принять. Он и его клан не любят смертных, в особенности мой народ. Ему и его людям не угрожает опасность, за горными стенами Серебряного дома им нечего бояться, а все остальное его не интересует.

Ийю'Анигато уже наскучила тема разговора. Немногословного отца моего господина никогда не интересовали вопросы управления, он предпочитал проводить время в уединенных размышлениях.

– Но какое это имеет отношение к нам? – продолжал Ийю-Анигато. – Ты так и не рассказал, почему пришел в Асу'а.

– Я полагаю, что рассказал, – заметила Амерасу, однако, как показалось, никто не обратил внимания на ее слова.

– Разве это не очевидно, Великий Защитник? – взмолился Кормах. – Повелители Асу'а, ваши предки, подарили нам земли. Теперь мы просим помочь их защитить, потому что сами не можем справиться с угрозой. Кто из смертных когда-либо убивал или хотя бы остался в живых после схватки с Великим Червем?

– Мы все еще имеем лишь слово смертных, утверждающих, что Червь существует, – снова заговорил Инелуки, небрежно щелкнув пальцами. – Смертных, которые сами сказали, что совсем мало знают о драконах, Великих Червях и подобных им чудовищам.

Принц смертных повернулся к нему, и на мгновение возникло ощущение, что Кормах сейчас потеряет терпение, но, когда он заговорил, его голос оставался спокойным.

– Человеку не нужно получить удар кинжалом, чтобы узнать, насколько он острый.

Ийю-Анигато недовольно вскинул руки.

– Этот спор не имеет смысла. Хакатри, сын мой, ты молчишь во время всего обсуждения. Что думаешь ты?

Я полагал, что мой господин молчал, потому что разговор вызывал у него тревогу.

– Я считаю, что этот вопрос нуждается в осмысливании, милорд, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Никто здесь не может оспорить тот факт, что мои дедушка и бабушка поддерживали желание смертных владеть прежними землями леди Азоши. И, что еще важнее, если зверь действительно Хидохеби – или один из Великих Червей, – тогда он угроза для всех, а не только для смертных. Однако меня тревожит то, что лорд Эназаши не хочет иметь к проблеме никакого отношения.

– Эназаши подобен крабу, который занимает раковину, брошенную другими, – сказал Инелуки. – Если ему самому опасность не угрожает, на всех остальных ему наплевать.

Амерасу мягко его одернула.

– Лорд Серебряного дома множество раз доказывал свою смелость, сын мой. Он собственными руками, вооруженный только копьем, убивал гигантов. Мужество Эназаши и людей его клана не подвергается сомнению. Осталось выяснить, какие обязательства имеются у Дома Ежегодного Танца по отношению к смертным потомкам Эрна, которые живут в землях, подаренных им моими матерью и отцом.

– Как скажете, леди. – Инелуки встал и поклонился Амерасу. – Но мне споры об обязательствах кажутся глупыми. Нам сказали, что в Вестмарше появился Червь, который прячется в горах Сисвелл. – Он развел руки, словно принимая дар. – Я поеду вместе со смертными и прикончу чудовище. Мне представляется, это деяние будет достойно наследника Дома Ежегодного Танца. – Инелуки повернулся к принцу Кормаху. – Мы выступим завтра, смертные. У меня есть копье, и, хотя оно еще не успело принести мне славу... – Он бросил быстрый взгляд

на мать, словно ее защита Эназаши вызвала у него неудовольствие. – Я полагаю, сейчас самый подходящий момент испытать мое оружие... и отвагу.

– Сядь, Инелуки. – Его отец не скрывал раздражения. – Сейчас не время для героического хвастовства.

– Если обещанное будет выполнено, – возразил Инелуки, – оно перестанет быть хвастовством. – Инелуки был охвачен одним из своих странных порывов, и его улыбка превратилась в хищный оскал. – Неужели ты мне не веришь, отец? И считаешь, что я не способен на такое деяние?

– Уже слово, которое ты выбрал, доказывает, что ты не понимаешь происходящего. – Ийю-Анигато наконец полностью сосредоточился на стоявшей перед ними проблеме. – Убийство Великого Червя совсем не то же самое, что охота на дикого кабана или даже гиганта. А теперь сядь, мне нужно посоветоваться с твоей матерью.

Младший брат моего господина медленно опустился на свой стул, но не вызвало сомнений, что слова Ийю-Анигато не прогнали негодование Инелуки, а лишь усилили его. Красивое лицо было напряжено, челюсти стиснуты, блестящие золотые глаза сузились. Он выглядел как трут, готовый вспыхнуть, стоит поднести к нему огонь. Мой господин, сидевший рядом с ним, казался спокойным, но Хакатри всегда лучше умел скрывать свои чувства, чем брат.

– Пусть все собравшиеся разойдутся, – заявил Ийю-Анигато. – Отведите смертных в Гостевой дом и устройте на отдых. Са'онсера и я соберем вас завтра и сообщим наше решение.

После окончания аудиенции я нашел Хакатри, который беседовал со своим другом Тарики Ясноглазым, с которым был ближе, чем со всеми остальными, за исключением Инелуки.

– Как ты знаешь, Памон, мы отправляемся на охоту, – сказал Хакатри, когда я к ним подошел. – Семья гигантов спустилась в Лимберлайт и охотится в дальней части леса Ши'ики. Лошади готовы?

– Да, милорд. Морская Пена вчера немного хромала, но я думаю, из-за осколка камня, попавшего в подкову. И все же вам лучше взять Ледяную Гриву.

– Как жаль, что мой оруженосец не так внимателен, как ты, – со смехом сказал Тарики – и, должен признать, я почувствовал гордость, услышав его слова. – Быть может, мне следует завести своего тинукед'я.

Хакатри похлопал меня по плечу.

– Существует только один Памон Кес, – сказал мой господин. – И он мой, первый из своего народа, кому доверено знамя оруженосца.

Пока я наслаждался его похвалой, к нам подбежала маленькая свирепая дочь моего господина, Ликимейя, которая преследовала птицу, размахивая палкой, как мечом. Мой господин ее поймал и прижался лицом к щеке, но она отчаянно пыталась вырваться, чтобы продолжить погоню. Следом появилась его жена Брисейю из клана Серебряные косы, чтобы забрать у него «пленницу», и они с Хакатри соприкоснулись кончиками пальцев. За пределами Асу'а

Брисейю славилась красотой и во всех смыслах подходила своему мужу, обладая не только мудростью, но и спокойным нравом.

– Быть может, тебе стоит отложить охоту, муж, – сказала она. – Во всяком случае, до тех пор, пока посольство смертных не получит ответ. Твой брат выглядит сильно расстроенным, и, должна признаться, мне и самой не по себе после разговоров о Черве.

Друг моего господина Тарики извинился и оставил мужа и жену, чтобы они спокойно поговорили наедине. Я не мог удалиться без разрешения моего господина, но мне никак не удавалось привлечь его внимание.

– Любимая, – сказал он Брисейю, – если бы я отказывался от выполнения своих обязанностей всякий раз, когда в голову Инелуки приходят странные фантазии, я бы никогда ничего не добился. Мы оба знаем, что мой брат будет некоторое время хмуриться и кипеть, но довольно быстро придет в себя. Так бывает всегда.

Брисейю покачала головой – не столько чтобы возразить, скорее она была огорчена.

– Надеюсь, ты прав, но я попросила тебя подождать по другой причине. У меня нет дара предвидения твоей матери, но разговоры Инелуки о Черве вызвали у меня такую сильную тревогу, какой я не испытывала прежде. – Она поставила маленькую Ликимейю на пол. Девочка присела на корточки возле башмаков отца и принялась играть со шнурками.

– Тревогу? – спросил он.

– Мгновение страха, но он был реальным, как любое из событий, которые произошли сегодня. Я едва не уронила наше дитя, и кровь заledenела у меня в жилах.

– И чего ты испугалась? – спросил Хакатри.

– Я не знаю точно, муж, – я не пророчица. Но я боюсь за твоего брата и боюсь Червя.

Хакатри попытался улыбнуться.

– Ты боишься за Инелуки? Ну это что-то новое. Обычно у тебя бывают плохие предчувствия из-за меня.

Она покачала головой.

– Ты не понимаешь, каким сильным был укол страха. А разве то, что произойдет с твоим братом, может не коснуться тебя – и меня, и нашего ребенка?

Я чувствовал себя так, будто подслушивал, но ничего не мог поделать. Я смотрел, как мой господин взял ее руку в свою.

– Неужели ты думаешь, что я позволю, чтобы с ним случилось недоброе, любимая? Или что я буду стоять и смотреть, как с тобой или нашей дочерью происходит что-то плохое?

– Только не добровольно, – сказала Брисейю.

– Тогда успокой свои страхи и постарайся хотя бы немного верить в мужа... и моих родителей. Они не станут принимать поспешных решений. И Червь – это лишь червь, каким бы ужасным он ни был. Наш народ успешно сражался с многими чудовищами.

Она снова покачала головой, но теперь это больше напоминало смирение.

– Я не боюсь самого дракона. Я боюсь того, что может произойти из-за него.

– Я перестаю тебя понимать, – сказал Хакатри, оглядывая комнату. – Ты должна объяснить мне головоломку твоего страха более внятно. Но, если говорить о потерях... где наша дочь?

Брисейю подняла глаза.

– Вон там, на верхней площадке лестницы. – Она вздохнула. – Если я не заберу ее прямо сейчас, то очень скоро она будет плескаться внизу, в бассейне Трех Глубин. Но нам следует продолжить этот разговор, – сказала она.

– Конечно. – Хакатри посмотрел ей вслед, когда она поспешила за ребенком, любясь грациозными движениями, подобными туману, который уносит ветер. – Боюсь, моя возлюбленная забыла, что мы намереваемся добраться только до Лимберлайта, – сказал он мне через

мгновение, не отрывая взгляда от удалявшейся Брисейю. – И вернемся домой не позднее чем через два или три дня.

– В таком случае завтра мы отправимся на охоту? – спросил я.

Хакатри кивнул.

– Даже если в Вестфолде появился опасный Червь, мы должны показать гигантам, что им не следует заходить на наши земли. Встретимся в конюшнях за час до рассвета, как мы и планировали. Позаботься, чтобы все было готово. Нам потребуются копья на кабанов.

– А как же ваш брат, милорд? – спросил я. – Будет ли он сопровождать нас во время охоты на гигантов?

Хакатри посмотрел на Инелуки. Его младший брат не выглядел смущенным после суровых слов отца. Он собрал группу друзей и развлекал их, демонстрируя, как ловко расправится с драконом, но мне показалось, что глаза Инелуки горели слишком ярко, а смех был вымученным. Мой господин покачал головой.

– Если учесть, сколько он выпил черного вина с пряностями – а солнце зайдет еще нескоро! – я сомневаюсь. Но мой брат упрям, и настроение у него может измениться в любой момент, как ты и сам знаешь. Полагаю, будет разумно предложить Йоу на всякий случай подготовить для Инелуки Бронзу.

Я кивнул и ушел. Мне предстояло многое сделать, чтобы мой господин мог отправиться на охоту на гигантов вместе с восходом солнца.

Трудно говорить о моем господине Хакатри, не упомянув его младшего брата Инелуки. Во многих отношениях они являлись двумя половинками целого. В юности были почти неразлучны, и им хватало одного мгновения, чтобы понять мысли друг друга – иногда мне казалось, что они успевали побеседовать, обменявшись парой взглядов. Они часто верхом покидали Асу'а, весело смеясь, когда их скакуны мчались бок о бок, а распущенные светлые волосы и плащи развевались за спинами. И тогда все, кто на них смотрел, кричали им вслед: «Это скачут Братья Ветра!» В такие моменты они превращались в высших существ даже в глазах своих соплеменников.

Несмотря на близость, они очень отличались друг от друга. Младший из братьев, лорд Инелуки, был переменчив, точно ветер. Иногда его гнев оказывался столь внезапным и сокрушительным, что казалось, будто он угрожал всем, кто его окружал; однако мгновения веселья бывали лишь немногим менее тревожными. Инелуки легко увлекался и сильно чувствовал, живой, словно пламя, а его настроения могли увлечь за собой всех как на добрые дела, так и на плохие.

Настроения моего господина напоминали тлеющие угли священного вечного огня, сияние которого почти всегда оставалось скрытым, но никогда не угасало. У Хакатри было не такое узкое лицо, а плечи и фигура шире, чем у брата, и, хотя он многим нравился, никто в Асу'а не назвал бы его более красивым, чем Инелуки. Но я всегда сначала думал о глазах Хакатри, в особенности когда в их золоте преобладал коричневый цвет земли, что придавало значимости

каждому взгляду. И еще я должен сказать о доброте моего господина. Он всегда показывал щедрость по отношению ко мне, исполнял все обязательства и даже больше, но главным его даром являлась способность уделять мне внимание и свое время, хотя никто из его народа не считал, что моя раса их заслуживает. Хакатри хорошо обращался со мной и никогда не забывал о своих обещаниях. Но главное, он научил меня понятию чести.

На самом деле, иногда мне казалось, что вся семья моего господина помешана на чести – быть может, это странное слово, но вполне подходящее. Мой господин Хакатри носил ее без малейших сожалений, точно тяжелую корону. Его отец Ийю-Анигато опирался на честь, как на посох, и было трудно понять, кто кого поддерживал. Инелуки иногда сходил от нее с ума и бросался немедленно доказывать, что он не нарушает правил, но ветер менялся, и он начинал веселиться, отпускал оскорбительные шутки, как если бы считал честь детской басней.

А Рожденную на Корабле Амерасу, мать моего господина и его брата, сердце великого клана, настолько переполняла честь, что она могла говорить лишь правду, не позволяя ни вежливости, ни традициям заставить себя промолчать, когда чувствовала, что должна высказаться. Амерасу видела истину даже в тех случаях, когда никому не удавалось ее распознать.

Таковы были мои ощущения тогда, и с тех пор они не изменились, но что мог понимать один вечно всеми пренебрегаемый тинукеда'я – обычный подменыш, как некоторые меня называли, – о своих лишенных возраста господах?

На следующее утро перед рассветом, когда небо оставалось пурпурно-темным, а звезда по имени Сердце Ночи еще висела над горизонтом, мой господин пришел в конюшни вместе со своим другом Тарики. Меня удивило столь раннее появление Хакатри, но я обрадовался, что оказался на месте и осматривал копыто Морской Пены, которое, к моей радости, успело исцелиться.

– Ты видел моего брата? – спросил Хакатри, и от тона, каким он задал вопрос, у меня сжалось сердце.

Я поспешил к загону, где стояла Бронза, лошадь Инелуки, и увидел, что он пуст. Гнетущее чувство стало еще сильнее.

– Именно этого я и опасался, – ответил мне Хакатри, когда я рассказал ему, что Бронзы в стойле нет. – Вероятно, он покинул Асу'а. Да простит Сад его глупую гордость!

– Быть может, он просто отправился на прогулку, – предположил Тарики. Его называли Ясноглазым, и зрение у него действительно могло поспорить зоркостью с ястребом. Однако Тарики имел склонность видеть в других лишь лучшие качества – и потому стал одним из самых близких спутников моего господина, но едва ли его следовало назвать надежным советником. – Инелуки часто так поступает, когда сердится на родителей.

– А также надевает доспехи и берет с собой копье? – Хакатри покачал головой. – До встречи с вами я успел поговорить с охраной конюшни. Он уехал, никому не сообщив о своих планах. Как вы думаете, каковы они?

К нам подбежала оруженосец Инелуки Йоу, волосы у которой растрепались, а глаза были широко раскрыты.

– Мой господин с вами? – спросила она у Хакатри. – Я нигде не могу его найти.

– Складывается впечатление, что он взял Бронзу и уехал еще до рассвета, – ответил Хакатри. – Сбегай к воротам и спроси, видела ли его стража. Затем отправляйся к его подруге миледи Нидрейю и узнай, говорил ли он с ней и может ли она объяснить его отсутствие.

Йоу повернулась и помчалась к воротам.

– Он ведь не станет... не отправится на схватку с Червем в одиночку? – спросил я.

– Если он решит, что его отвага поставлена под сомнение? Инелуки сделает это без малейших колебаний.

Я видел, что за раздражением Хакатри скрывается тревога. Мой господин не всегда показывал, как сильно он любил брата. Затем он отправил меня на Гостевой двор, чтобы выяснить, там ли еще смертные и не говорил ли с ними Инелуки.

Я быстро прошел через дворец, потом Птичий двор, Танцевальный павильон, сквозь вечные тени Дымного сада и, наконец, задыхаясь, вбежал в Гостевой двор. Мне не удалось увидеть там ничего, что указывало бы на присутствие Инелуки, а смертные спали. Тот из них, кого звали Кормах, пришел со стражем, которого я к ним отправил; он покраснел от волнения или смущения – тогда я еще очень мало знал про смертных и не понимал разницы.

– Я клянусь, мы ничего не знаем, милорд, – сказал он мне. – Нам велели ждать, когда ваши монархи решат, станут ли они нам помогать.

– Я не лорд, – ответил я. – А Ийю'Анигато и Амерасу – не наши монархи. Они самые мудрые старейшины, обладающие глубочайшими знаниями и даром предвидения. – Но складывается впечатление, что даже они не догадывались о планах Инелуки и его неожиданном отъезде. – В любом случае я приношу вам свои извинения за то, что прервал ваш отдых.

– А мы можем как-то помочь? Наши лошади отдохнули. И мы готовы принять участие в поисках.

Я едва сдержал улыбку, когда представил, что смертные и выращенные ими лошади сумели бы догнать одного из Братьев Ветра.

– Вы очень добры, но у моего господина достаточно помощников. Ждите аудиенции, и пусть судьба вам улыбнется.

Вернувшись в конюшни, я с огорчением узнал, что поиски Йоу оказались безуспешными и леди Нидрейю не видела Инелуки с предыдущего дня. Лорд Хакатри, понимая, что брат их заметно опережает, приказал конюхам приготовить двух своих лошадей. Я почувствовал суеверное смущение от того, что кто-то другой делает мою работу, но понимал, почему мой господин спешит.

– Оруженосец Памон, – сказал он, надевая доспехи из ведьминого дерева, – ты поедешь на Ледяной Гриве. А я возьму Морскую Пену, если хочу догнать брата.

Вскоре появились остальные члены охотничьего отряда моего господина и стали готовиться в путь. Мне показалось, они уже знали, что вместо охоты на гигантов им предстоит более важная и опасная погоня: я видел мрачные лица и не слышал обычных громких разговоров, сопровождавших приготовления к охоте.

Наконец первые лучи солнца озарили небо, и мы двинулись в путь, я – на могучем боевом скакуне по имени Ледяная Грива, принадлежавшем Хакатри. Я не рассчитывал, что смогу угнаться за моим господином и его друзьями, поскольку Хакатри больше всего хотел найти брата. Мой господин и его спутники стремительно умчались вперед, и вскоре остальные оказались далеко позади. Другие сквайры, все молодые зида'я, младшие члены Дома Ежегодного Танца, вероятно, слышали от Йоу о необычной природе сегодняшней погони. Они не говорили об этом со мной, впрочем, все оруженосцы крайне редко ко мне обращались и, если бы не высокое положение моего господина, вряд ли вообще признавали бы мое существование.

Но я видел, как они тихонько перешептывались, а их жесты говорили о замешательстве и тревоге, когда Хакатри и его спутники умчались от нас и теперь скакали по берегу залива Лэндфол в сторону дороги Вестмарш.

Я знаю, что кое-кто в семье моего господина считал, будто благосклонность ко мне Хакатри связана с желанием угодить двору, который любит все необычное и новое. Да, я принадлежу к расе тинукед'я, а мой отец, Памон Сюр, был простым конюхом, хотя даже зида'я признавали, что в Доме Ежегодного Танца никто не обладал таким же мастерством в обращении с лошадьми. Задолго до того как я появился на свет, он завоевал солидную репутацию среди господ города Хоумвард. Но, клянусь вам, также правда и то, что мое собственное усердие и,

конечно же, умения и ловкость, унаследованные от отца, привели к тому, что Хакатри обратил на меня внимание, когда я еще ребенком старательно трудился в конюшнях.

Мой господин множество раз повторял, что, когда впервые меня заметил, он не знал, что я сын Памона Сюра, но восхитился моей работой и спокойным обращением с лошадьми. Всем известно, что мой господин никогда не лжет, да и зачем – из-за такой мелочи? В те времена не только я, но и другие молодые тинукедая трудились в конюшнях. Так живет мой народ: мы стараемся быть полезными зида'я.

Мы, Дети Океана, управляем их кораблями, строим дома или заботимся о детях, иными словами, делаем все, что нам полагается, и делаем хорошо.

Однако не вызывает сомнений, что Хакатри меня заметил. Когда он увидел, что я обладаю мастерством отца во всем, что касалось животных, Хакатри сделал меня своим личным конюхом. А потом молодой зида'я, который был его оруженосцем, разочаровал Хакатри, и он принял странное и беспрецедентное решение, я – первый представитель моего народа – стал его оруженосцем и правой рукой и вскоре не только заботился о его лошадях, но и сопровождал во время охоты и путешествий. Я научился ухаживать за оружием и вполне прилично с ним обращаться, хотя друзья лорда Хакатри над ним потешались из-за того, что он взял в оруженосцы подмёныша, и всячески намекали на свое не слишком высокое мнение обо мне и моих соплеменниках.

– Не обращай на них внимания, Памон, – часто повторял мой господин. – Доброе имя, которое ты заработаешь, победит даже самые жестокие шутки.

Даже и тогда я сомневался, что он прав, но мой господин верил в свои слова, и я также старался поверить. Я рассказываю об этом сейчас, чтобы показать, как мой господин мыслил и благородно со мной обращался. На самом деле он вел себя даже лучше, чем мой собственный отец, который не переносил тех, у кого отсутствовали его трудолюбие и прямолинейность. Отец научил меня усердию и старательности. А благодаря милорду Хакатри я понял, что могу стать больше чем сыном своего отца.

По мере того как я вырос, я осваивал военное искусство, которому меня обучали сам Хакатри и наставники из Дома Ежегодного Танца, рядом с юными аристократами зида'я, одни из них готовились стать оруженосцами, другие – свободными лордами. Какое-то время младший брат моего господина учился владеть оружием вместе с нами, и впервые в жизни я чувствовал себя почти равным зида'я. Это было головокружительное ощущение и одновременно смертельно опасное: довольно скоро косые взгляды и шепот за спиной дали мне понять, что тем, с кем я тренировался, совсем не нравилось, что простой тинукедая поднялся выше пределов, дозволенных представителям его народа.

Я был разносторонне развит и быстро научился тому, что требовало думать и понимать, но был не таким быстрым, ловким и сильным, как любой из молодых лордов. И все же я изо всех сил трудился, стараясь как можно лучше освоить копье и меч и познать Путь Воина, чтобы, по крайней мере, с пониманием наблюдать за моим господином. И хотя молодым господам из Дома Ежегодного Танца раньше не нравилось мое присутствие, когда стало ясно, что я не смогу бросить вызов их мастерству, они немного смягчились и стали относиться ко мне лучше.

Я никогда не чувствовал себя среди них своим, но они мирились с моим присутствием, думаю, главным образом из уважения к моему господину Хакатри.

Не вызывало сомнений, как тогда, так и сейчас, что лорд Хакатри, старший сын Защитника Асу'а и Са'онсеры, пользовался не только моим огромным уважением, но и всего своего народа. Даже свободные лорды его поколения, которые пытались с ним соперничать, не могли им не восхищаться, что несколько не удивительно, ведь он был паразитическим существом. Я ни разу не слышал, чтобы мой господин солгал или даже об этом подумал – истинный сын своей матери, – и никогда не видел, чтобы он отвернулся от того, кто нуждался в помощи. Младший брат Инелуки часто его ругал, поскольку считал такое поведение слабостью. «Если

ты друг всем, – говорил он, – значит, ты одинаково друг для тех, кто к тебе ближе остальных, и для тех, кого едва знаешь».

Но Хакатри лишь качал головой.

«Если я буду размышлять, кому помочь, только учитывая их близость по крови или дружеские отношения, я перестану быть свободным лордом и буду чем-то вроде казначея, оценивающего людей, прежде чем принять решение, какую помощь им оказать».

В те дни общего мира между племенами Потерянного Сада среди молодых зида'я крайне высоко ценилась роль свободного лорда, который с помощью своего доброго имени, здравого смысла и умений помогал тем, кто нуждался, будь то фермеры, страдающие от нападений гигантов, или поселения, ставшие жертвой разбойников. Мой господин пользовался такой доброй славой, что смертные проделывали долгий путь, чтобы прийти в Асу'а и попросить его о помощи. Однажды Инелуки заговорил со мной об этом, но я не понял, казалось ему такое их поведение забавным или возмущало.

– Смертные относятся к твоему господину почти как к божеству, – сказал он мне. – Они оставляют подношения у ворот Асу'а, словно перед одним из своих храмов.

– Он помог многим из них, милорд, – напомнил я ему.

Инелуки долго на меня смотрел, но я не понял, что означал его взгляд.

– Да, – сказал он наконец. – Но, боюсь, когда-нибудь ему придется заплатить за свою любовь к бродягам, и молю богов, чтобы я ошибся.

Они были такой странной парой, мой господин и его брат. Хакатри, темноволосый, высокий, надежный, как скала, в хорошем настроении, жизнерадостный и разговорчивый, но чаще тихий и задумчивый, даже когда вокруг царило веселье. Инелуки, почти такой же высокий, как старший брат, но гораздо стройнее, все зида'я единогласно считали, что он красивее Хакатри, и в то время как Хакатри предпочитал читать или разговаривать с друзьями, Инелуки обо-жал находиться в толпе, шутить и петь. Прекрасное расположение духа младшего брата могло заливать комнату теплым светом, но если он сердился, веселье в праздничном зале гасло, и он мгновенно пустел. Говорят, что с самых первых дней своей жизни Инелуки сиял ярче – и жарче, – чем любой представитель его народа.

Но, несмотря на различия, братья любили друг друга сильно и глубоко. Разумеется, иногда они ссорились, так бывает с братьями, особенно когда Инелуки чувствовал, что Хакатри относился к нему как к ребенку, а не равному, давал советы и старался удерживать от необдуманных поступков. Однако во многом они казались почти единой душой в двух телах, и крайне редко бывало, что рядом с одним где-то не находился другой.

Хакатри и его охотничий отряд довольно скоро оставили всех нас далеко позади.

Мы скакали по наезженной дороге, а поскольку было сложно понять, свернули наши господа на боковую тропу или нет, остальные оруженосцы и я двигались осторожно по крутым, заросшим деревьями холмам Охоты Защитника. Через несколько часов мы выехали на дорогу Вестмарш и направились дальше, через брод Маленькой Красной реки. Мы не стали останавливаться с наступлением ночи – зида'я могут скакать несколько дней без сна, – и я с трудом держался в седле, пока рассвет наконец не озарил восточный небосклон.

К середине дня мы пересекли мост через Большую Красную реку и спустились в ущелье Кестрел, плоский участок земли между рекой и Холмами Белые-Волны, неровной местностью к югу от гор Солнечные ступени. Конечно, зида'я редко нуждаются в сне, однако их скакунам, на удивление сильным и выносливым, выращенным в конюшнях Асу'а, требуются еда и отдых. Мы ехали до тех пор, пока на небе не зажглись яркие звезды, затем остановились, чтобы накормить и напоить коней. Мне удалось поспать несколько часов, чему я был несказанно рад. Прошло уже два дня, а мы так и не видели следов Хакатри и его отряда.

Местность на третий день пути, когда мы пересекали ущелье Кестрел, оказалась непри-мечательной и по большей части плоской, но луга пестрели яркими первоцветами и дикими

гиацинтами. Мы ехали, пока не наступила полная темнота, и ближе к полуночи добрались до Серебряного пути в болотистых землях, расположенных вдоль внешней границы холмов, двигаться дальше даже для моих исключительно зорких спутников стало опасно. Мы остановились и развели костер. В те дни в ущелье Кестрел бродили огромные злобные волки, а зима в этих почти безлюдных краях выдалась длинной и голодной, и зида'я не хотели рисковать.

Когда звезды Посоха Луйаса появились на юго-западном небе, оруженосцы усадились вокруг костра и запели песни Сада. Мне казалось странным не то, что они столько знали про исчезнувшие земли, ведь никто из нас никогда их не видел, а то, что мне было известно так мало о стране, которую наши народы называли своей родиной.

– Ты никогда не поешь, Памон, – сказала мне в ту ночь Йоу, впервые заговорив со мной с тех пор, как мы покинули Асу'а. – Разве твои соплеменники не воздают честь Потерянному Дому?

– Не презирайте меня за молчание – я бы оказал Саду честь, если бы знал как, – ответил я ей. – Песням, которые вы поете, меня не учили.

– Как такое может быть?

Причина заключалась в том, что мой отец не принадлежал к числу тех, кто поет своим детям, а мать Энлу унесла лихорадка, когда мне едва исполнилось четыре. Единственное, что осталось в моих воспоминаниях из ее рассказов, – это что мы, тинукеда'я, ведем свое происхождение от Моря Снов. Еще она говорила, что оно часть меня и так будет всегда, хотя я не понял смысла ее слов. После того как она умерла, я спросил у отца, что она имела в виду, когда сказала, будто Море Снов в моей крови, и вопрос ужасно его разозлил.

«Не дай Бог, наши господа услышат, как ты рассуждаешь об этом, – сказал он мне. – Если ты будешь болтать о таких вещах, они посчитают нас неблагодарными и суеверными».

«А что такое Море Снов?»

«Старая и глупая история про Потерянный Сад. Твоей матери не следовало тебе о нем говорить».

И больше мой отец Памон Сюр никогда это не обсуждал.

Меня обидел его отказ – Море Снов принадлежало моей матери, а он меня его лишил. Я больше никогда о нем не заговаривал, даже со знакомыми тинукеда'я, и постепенно воспоминание начало тускнеть. А потом, повзрослев, я понял, что мой народ молчит о множестве подобных вещей, опасаясь вызвать неудовольствие господ.

– Памон, ты меня слушаешь?

Я понял, что воспоминания унесли меня в далекое прошлое.

– Прошу твоего прощения, Йоу.

Она так долго на меня смотрела, что мне стало не по себе.

– Наверное, странно не знать собственной истории, – сказала она наконец.

«Но я знаю свою историю», – подумал я. В конце концов, я ведь был не обычным слугой тинукеда'я, а Памоном Кесом, оруженосцем и правой рукой великого лорда Хакатри. Мало кто из представителей моего народа занимал более высокое положение. Но, разумеется, я промолчал.

На следующий день поздним утром, когда мы уже были в пути, до нас донесся громкий стук копыт, словно на Серебряном пути нас преследовал большой отряд. Все оруженосцы и я повернулись, приготовившись к сражению, если возникнет необходимость, не зная наверняка, кто к нам приближался – посланцы из Асу'а с требованием вернуться назад или разбойники, которые, по слухам, устроили свое логово среди темных холмов за Ущельем, хотя я никогда не слышал, чтобы они нападали на отряды вооруженных зида'я. Однако оказалось, что это ни то ни другое – с востока появилась группа всадников, и, увидев их знамена, мы узнали смертных, приходивших в Асу'а, чтобы попросить Защитника о помощи.

Тот, кто звался Кормах, натянул поводья, когда они оказались рядом с нами.

– Мы слышали, что впереди находится отряд ваших людей, и почти загнали лошадей, чтобы вас отыскать, – сказал он. – Но вы только посмотрите, ваши скакуны даже не задыхаются после такой скачки.

Я мимолетно улыбнулся.

– Лошади из конюшен Асу'а без особых усилий могут скакать очень быстро, хотя, должен заметить, мы не особо спешили.

– Меня удивляет, что у вас такой маленький отряд, – сказал принц. – Разве вы нам поверили, когда мы рассказали про чудовище, которое нам угрожает?

Оруженосец Инелуки Йоу (которая считала себя главной среди оруженосцев, несмотря на то что мой господин являлся старшим братом, но ведь я не был зида'я) ответила:

– Наши господа поскакали вперед, смертный, но они будут нас ждать, когда доберутся до места, однако у меня нет уверенности, что они намерены устроить охоту на дракона, так сильно напугавшего ваш народ.

Кормах наградил ее мрачным взглядом. Я не мог не восхититься этим смертным, который, вне всякого сомнения, ставил себя почти на один уровень с зида'я.

– Вы так говорите, будто только смертные испытывают страх, оруженосец. Подождите, когда вы увидите Червя и услышите его жуткое дыхание. Вот тогда и посмотрим, из чего сделаны вы, народ фэйри.

Мне показалось, что его слова рассердили Йоу, но она отличалась не таким вспыльчивым нравом, как ее господин. Она только покачала головой и сказала:

– Никто не знает, что думать о темноте, пока не сядет солнце.

После коротких переговоров мы решили, что будем двигаться дальше вместе, пока либо не догоним охотничий отряд, либо наши дороги не разойдутся. Хорошо, что мы не стали тратить время на споры, потому что, когда начал спускаться вечер, мы проделали достаточно большое расстояние вдоль нижней границы холмов Белые-Волны и наконец увидели моего господина и его отряд. Они стояли около Серебряного пути, там, где он проходил мимо входа в крутую узкую долину. И я с огромным облегчением обнаружил не только моего господина Хакатри, но и его брата Инелуки, хотя сразу понял, что они яростно спорят. Хакатри был так рассержен, что едва меня заметил, а когда Йоу подошла поприветствовать Инелуки, тот резко взмахнул рукой, показывая, что она должна отойти.

– Твои слова – полная бессмыслица, брат, – сказал Инелуки, поджав губы. – Я всего лишь хотел собственными глазами взглянуть на это существо. Если он совсем маленький – в чем я совершенно уверен, – я мог бы легко с ним расправиться и покончить с угрозой для смертных, которые здесь живут. Не сомневаюсь, что даже наш отец не стал бы возражать против *такой* помощи с моей стороны.

Он улыбнулся, но белая вспышка зубов заставила меня подумать про черную холодную воду зимнего озера, спрятавшуюся под ослепительно сияющим льдом, и мне стало любопытно, насколько сильно разозлен и недоволен Инелуки. Впрочем, настроение у него быстро и часто менялось, и я надеялся, что он скоро образумится.

– Ты поступил глупо, – тихо сказал Хакатри брату. – И заставил многих беспокоиться.

Остальные члены охотничьего отряда терпеливо ждали, когда братья закончат спорить. Мы узнали, что отряд остановился здесь, у входа в долину, еще в середине дня. Хакатри намеревался убедить брата вернуться в Асу'а, но тот категорически отказывался.

– Мне бы не хотелось вмешиваться в ваш разговор, великие лорды, – сказал смертный принц Кормах, – но, как вам известно, здесь находится вход в Змеиную долину, где Червь устроил свое логово. Его нечасто видят при свете дня, но он появляется по ночам и забирает с лугов в горах овец и другой скот, и даже людей. Мне кажется, это не самое хорошее место, чтобы продолжать ваш спор, тем более если вы не уверены, что он быстро закончится.

Не вызывало сомнений, что эрнам – так смертные себя называли – совсем не нравилось это место, и, должен признаться, и я чувствовал себя здесь, мягко говоря, не слишком уютно.

Холмы по обеим сторонам ущелья были высокими и скалистыми, солнце уже почти село, и ночная темнота, которая расплзалась по заросшим травой склонам, добавляла мрачности окружающему нас пейзажу. Я не слышал пения птиц. И только несколько сверчков выводили свои трели в высокой траве, возвещая о приближении ночи. Не меня единственного посещали дурные предчувствия, некоторые члены охотничьего отряда моего господина с опаской поглядывали на вход в долину.

– Мы тут не останемся. – Хакатри повернулся к смертному принцу. – Мы возвращаемся в Асу'а – все. Наш отец будет сильно рассержен, и даже мать потеряет терпение, но мы еще можем исправить вред, который ты всем причинил своим своеволием.

– Своеволием? – Инелуки закрыл глаза, словно его терпение подверглось несправедливому испытанию. – Смертные пришли в Асу'а со сказками о смертельно опасном драконе, я отправился на него взглянуть собственными глазами, и вот мы стоим рядом с логовом дикого существа, о котором они говорят, и ты намерен повернуть назад? Какая польза будет от такого поведения этим людям?

Он махнул рукой в сторону Кормаха и его бородатых спутников.

– Какой урок они извлекут? Они подумают, что в Доме Ежегодного Танца нет отважных сердец!

– Мы пришли к вам не для того, чтобы нас чему-то учили, милорд, – сказал Кормах, который уже рассердился на Инелуки. – Мы попросили о помощи.

– Вот видишь? – вскричал Инелуки. – Тут требуется всего лишь немного храбрости, брат.

– То, что сейчас происходит, не имеет никакого отношения к храбрости, зато напрямую связано с волей Защитника и Са'онсеры, – ответил мой господин. – Ты покинул Асу'а до того, как наши родители приняли решение, точно ребенок, которому наскучили уроки, и он убежал во двор поиграть на солнце.

На мгновение мне показалось, что гнев возьмет над Инелуки верх.

Он с такой яростью смотрел на брата, что я подумал: еще мгновение, и он снова ускорит прочь. Затем его лицо снова изменилось: гнев либо отступил, либо Инелуки хорошо его спрятал.

– Твои доводы запоздали, брат, – проговорил он мягче. – Возможно, я действительно плохо подумал, но Сад знает, иногда я теряю терпение от излишней осторожности наших родителей. Но мы уже здесь! И по меньшей мере должны посмотреть на зверя, узнать его истинные размеры и природу, чтобы спланировать, как мы избавимся от чудовища.

Братья продолжали спорить, но отошли немного в сторону от остальных. Кормах и его смертные спутники наконец разожгли костер – гораздо больше того, который развели мы с зида'я накануне ночью, – и мы стали ждать, когда мой господин и Инелуки договорятся о том, что мы будем делать дальше.

Далеко за полночь Хакатри подошел к костру.

– Утром мы немного пройдем в долину, чтобы выяснить что возможно про Червя, который, по словам смертных, здесь живет, – тихо сказал он мне. – Я поеду на Ледяной Гриве на случай, если у нас возникнут неприятности.

Итак, младший брат моего господина выиграл спор, и меня это несколько не удивило – Инелуки, как любил повторять его отец, обладал упрямством барсука, защищающего свою нору. Услышав, что завтра мы направимся в мрачную долину, я расстроился, потому что мне совсем не нравилось то, что я уже видел.

Большую часть ночи я приводил в порядок наконечник копья и меч моего господина, чтобы они были острыми, точно ледяной ветер.

Вход в ущелье произвел на меня неприятное впечатление, но еще сильнее угнетала сама долина. Лорд Инелуки и мой господин ехали впереди, мы с Йоу – сразу за ними, потом следовали лорды из охотничьего отряда Хакатри со своими оруженосцами, последними – принц Кормах и его люди. Нам не требовался проводник, поскольку долина оказалась узкой, а ее каменные стены – высокими. Вход был завален сломанными и упавшими на землю деревьями. Я заметил, что братья мимолетно переглянулись, но Инелуки не смог долго выдерживать суровый взгляд брата.

На дне долины пересекались несколько речушек и земля превратилась в болото, тут и там наружу торчали куски деревьев и камни, которые создавали дополнительные трудности и представляли серьезную опасность.

Возможно, из-за крутых склонов по бокам долины казалось, будто затянутое тучами небо висело прямо у нас над головами, закрывая третью сторону. У меня появилось ощущение, будто мы пленники, которых ведут на казнь.

Несмотря на воду, грязь и молодые ростки травы, долина выглядела на удивление безжизненной. Птицы, которых я не слышал накануне вечером, не появились и сегодня, а сверчки молчали. Единственными звуками, кроме тех, что издавали мы, были редкие крики ворон и шипение горных цикад, ни на что не обращающих внимания, кроме своей короткой жизни под солнцем.

Хотя солнце продолжало подниматься на затянутом тучами небе, я не чувствовал тепла.

Маленькие речушки на дне долины в некоторых местах сливались, превращаясь в грязные мутные пруды, из которых, точно руки утопающих, торчали ветки упавших деревьев. Крутые склоны покрывала густая растительность, и даже тихие звуки, что мы издавали, к нам не возвращались. Я чувствовал себя нарушителем, пробравшимся ночью в чужой дом в надежде совершить задуманное и сбежать, прежде чем хозяин проснется.

Неожиданно Инелуки поднял руку. Его брат, Йоу и я натянули поводья и стали молча ждать. Инелуки выставил палец, показывая на место на некотором расстоянии впереди, где по обеим сторонам тропы, шедшей по более высокой местности, росли две огромные ольхи.

Сначала я не смог ничего разглядеть – мне показалось, будто картина впереди была такой же, что и у нас за спиной, – но мой господин также увидел то, на что указал его брат – я понял это по выражению его лица, – соскочил на землю, и я взял из его рук поводья Ледяной Гривы.

Инелуки тоже спешил, передав Бронзу Йоу.

– Нам следовало взять с собой гончих, – прошептал он Хакатри.

– Мы не наши холодные родственники хикедая, – тихо ответил мой господин. – Мы не отправляем животных или рабов туда, куда боимся идти сами.

Я смотрел, как они вместе, низко пригнувшись, начали пробираться вперед. Ни тот ни другой не вытащили оружие, что меня озадачило, но когда я спрыгнул на землю, решив позаботиться, чтобы лошади моего господина не шумели, я наконец увидел то, что заметил Инелуки. Я думал, это очередной большой корень или упавшее бревно – на земляной тропе впереди лежало нечто темное, цилиндрической формы, – но неожиданно оно пошевелилось, и я сообразил, что вижу вовсе не корень, а хвост.

Хвост оказался довольно большим, и не вызвало сомнений, что он принадлежал дракону или необычайно огромной болотной змее, но с того места, где я стоял, он не выглядел даже близко таким громадным, как говорили смертные, и, хотя сердце отчаянно колотилось у меня в груди, я почувствовал облегчение. Не дожидаясь приказа моего господина, я отвязал от седла копьё для охоты на кабанов, чтобы Хакатри смог им воспользоваться, и последовал за братьями, продолжая держать Гриву на поводу и оставив Морскую Пену на месте, но мой господин и Инелуки двигались быстрее. Они уже находились примерно в дюжине шагов от меня и медленно, но уверенно ползли в сторону длинного темного существа, лежавшего поперек тропы.

Я стоял, держа в одной руке поводья Ледяной Гривы, а в другой – тяжелое охотничье копьё, и это мгновение, казалось, повисло в воздухе, объётое пламенем, точно горсть подожженной соломы. Черный хвост скользнул вперед и почти исчез из вида, мой господин и его брат находились совсем рядом с ним, пытаюсь разглядеть дракона. Остальные члены отряда растянулись по тропе за нами. И тут между деревьями прозвучал громоподобный рев, и я услышал крик ужаса. Я повернулся и успел увидеть, как темная тень выскочила из склонившихся над тропой деревьев, и дракон сбил на землю одного из зиди'я вместе с его заржавшей лошастью. Нападение произошло так стремительно, что я даже не могу его описать, и у меня ушло всего мгновение, чтобы сообразить, что всадника атаковал не просто огромный зверь, медведь или разъяренный кабан, но чудовищная голова на чудовищно длинной шее. Тело зверя пряталось среди упавших вдоль тропы деревьев.

Мой господин Хакатри и все остальные также повернулись, услышав жуткий крик. Ужасный трескучий звук становился громче по мере того, как змеиное тело дракона выползало на поднимавшуюся тропу у нас за спиной. Хвост показался мне не слишком большим, потому что мы видели только его кончик. Сам же дракон лежал в болоте с обломками деревьев, вытянувшись параллельно возвышенности, скрытый густым кустарником и деревьями. Мы прошли мимо его наблюдавшей за нами головы.

Лошади в ужасе шарахались и пятились, когда к ним пополз громадный черный дракон, а потом разбежались во все стороны, точно мыши. Некоторые испуганные животные бросились в грязную мутную воду и тут же пошли ко дну; другие вставали на дыбы и сбрасывали всадников. Передние лапы у Червя были короткими и кривыми, как у южного кокиндрила, но он передвигался невероятно быстро, голова на длинной шее металась из стороны в сторону и, точно разъяренная гадюка, наносила удары по всему, что попадалось на пути.

Я лишь на короткое мгновение сумел увидеть его целиком, но буду помнить до конца своих дней. На бронированной голове Черного Червя выступал тупой неровный нос, как у черепахи, хотя я ни разу в жизни не видел такой огромной. Его глаза – как я успел заметить, когда голова пронеслась мимо, – представляли собой черные шары с золотыми кругами посередине, а тусклая черная броня охватывала все тело параллельными кольцами, и по нему пробегала мощная рябь, когда он двигался.

После мгновения тишины возник такой оглушительный шум, который я надеюсь больше никогда не услышать: крики боли лошадей и всадников, грохот ломавшихся и падавших деревьев и отвратительный глухой лязг жутких челюстей чудовища, когда они крушили доспехи, вгрызаясь в плоть и кости.

Краем глаза я увидел своего господина и услышал его крик:

– Мое копьё! Памон, где копьё?!

И, хотя я едва понимал, что делаю, я бросил ему копьё и одновременно закричал:

– Нет, милорд! Зверь слишком большой!

Хакатри, не обращая внимания на мое предупреждение, схватил копьё обеими руками и вонзил его дракону в бок. Наконечник вошел в извивавшееся черное тело Червя до самого бронзового стопора, но зверь, похоже, даже этого не заметил, а в следующий момент длинное тело сдвинулось вбок, отшвырнув Хакатри прямо на деревья.

– Господин! – закричал я, и мой всепоглощающий страх перед Червем утонул в беспокойстве за Хакатри.

Я выпустил поводья Ледяной Гривы и начал пробираться через поваленные деревья и плававшие повсюду бревна и быстро погрузился по бедра в воду, как только покинул тропу. У меня за спиной раздавались крики охотничьего отряда, но сам дракон оставался на удивление тихим. Я быстро оглянулся и увидел, как огромная тупая голова поднялась высоко в воздух и принялась рвать на куски кого-то, кто совсем недавно обладал именем и историей, заливая

тропу его кровью... А потом я отвернулся и, спотыкаясь, охваченный нестерпимым ужасом, продолжил искать своего господина.

Наконец я нашел Хакатри, который почти совсем погрузился в болото и запутался в сломанных ветках. К счастью, его голова находилась над водой, и он дышал, но, хотя я тряс его изо всех сил, не двигался. Шум у меня за спиной был ужасающим – дикие крики охотников из отряда Хакатри, треск ломавшихся копий и деревьев в сочетании с грохотом, который я не в состоянии описать. Я обнял Хакатри и вытащил на более высокое место, я бил его по лицу и теребил, сражаясь с паникой и пытаюсь привести его в чувство. Наконец он открыл глаза.

– Вставайте! – крикнул я. – Вставайте, господин! Чудовище прикончит нас!

– Мое копьё, – проговорил Хакатри, пытаюсь сфокусировать на мне взгляд. – Я его потерял. Где мое копьё...

Никакое копьё не могло остановить жуткое чудовище – даже дюжина копий, – но я не стал тратить время на споры, а, прикладывая все силы, поволок Хакатри вверх по склону, каждая ветка и корень на нашем пути цеплялись за него и мешали мне. Мимо, спотыкаясь, в сторону тростника брела одна из наших лошадей, и я схватил поводья. Оказалось, что это Ледяная Грива. Глаза у моего господина закатились и побелели по краям, хотя я не заметил никаких ран. Я позвал на помощь, но уже не слышал других голосов, только с громким шумом метался у тропы дракон, так что мне самому пришлось подтащить господина Хакатри к Гриве, чтобы устроить в седле. Хакатри делал все что мог, чтобы помочь, а когда наконец оказался на лошади, протянул руку и посадил меня себе за спину.

– Где Инелуки? – спросил он не слишком внятно, словно еще не совсем пришел в себя. – Где мой брат?

– Я не знаю, милорд. Все разбежались во время нападения Червя.

Треск и грохот падавших деревьев стал громче, и неожиданно боевой конь под нами бросился вперед, охваченный ужасом перед приближавшимся зверем. Через мгновение Ледяная Грива нашел более твердую землю, и никакие поводья уже не могли удержать обезумевшее животное. Даже Хакатри оставалось лишь изо всех сил за него держаться, а я цеплялся за него, когда конь перепрыгивал с кочки на кочку на болотистой равнине, пока, сделав круг, не оказался там, где нас атаковал Червь. Кое-кто из нашего отряда уже туда вернулся, и они мчались в сторону входа в долину, не думая о нашей судьбе точно так же, как мы не знали, что происходило с ними. Среди них я заметил Инелуки, покрытого грязью и кровавыми царапинами, но в остальном целого и невредимого. Мне показалось, что я также увидел Морскую Пену, подруга у него на животе лопнула, и седло тащилось по земле. Мой господин, который не мог крепко держать поводья, позволил Ледяной Гриве следовать за спешившими покинуть Долину Змея – теми, кому удалось спастись.

Остатки нашего отряда, спотыкаясь, выбрались на широкий Серебряный путь, смертные и бессмертные смешались, объединенные потрясением от случившегося. Мой господин быстро оглядел раненых и подсчитал погибших.

– Где Тарики? – хрипло спросил он. – Кто-нибудь его видел?

– Мы по-прежнему не знаем, где он и еще несколько членов отряда, – ответил один из зид'я.

– Я молю богов о том, чтобы он был жив, но очень многие погибли, – проговорил Инелуки, у которого были сухие глаза и несчастное, окаменевшее лицо. – И верная Йоу среди них. Моя любимая подруга и спутница покинула наш мир. Мы даже не можем ее похоронить. – Инелуки повернулся к брату, и я подумал, что еще ни разу не видел, чтобы зид'я выглядел таким потерянным. – Я смотрел, как она умирала в когтях чудовища, но не верю, что это правда. Она со мной с самого ее детства. Как такое с ней произошло? – Он положил обе руки на грудь, как будто хотел, чтобы его боль осталась внутри.

Для меня смерть Йоу также оказалась тяжелым ударом. Мы с ней не то чтобы дружили, но я знал ее всю жизнь и даже не мог представить, что она не переживет этот день. Меньше чем за час мир, казалось, перевернулся.

– Я также скорблю о Йоу, – сказал Хакатри. – Мне несказанно жаль, что погиб Лилаго Поэт, и теперь его песни смолкли. Пропали Тарики и несколько тех, кого я любил. Поверь, брат, мне хочется кричать, но мы должны сберечь силы, чтобы помочь тем, кто остался жив, ведь многие серьезно ранены.

– Я вижу лорда Тарики! – крикнул один из оруженосцев. – Он ведет лошадь, на спине которой два тела.

– Да будет благословенна Роща! – вскричал Хакатри. – Помогите ему и тем, кто с ним, если еще можно помочь.

Однако Инелуки, казалось, интересовало другое.

– Где смертный принц? – неожиданно спросил он, оглядываясь по сторонам, и я видел, что в глазах у него застыла невообразимая боль. – Где тот, что называет себя Кормах?

– Я здесь, лорд Инелуки. – Кормах стоял на коленях возле одного из эрнов, а когда он выпрямился, я увидел кровь у него на руках.

Инелуки направился к смертному принцу, и даже в океане глубокой скорби на лицах тех, кто его окружал, появился страх. Мой господин Хакатри, который едва держался на ногах, бросился за ним.

Кормах смущенно за ним наблюдал, а Инелуки остановился рядом и сказал:

– Дай мне руку.

Озадаченный Кормах протянул ему руку. Инелуки опустился на одно колено и приложил костяшки пальцев смертного к своему лбу, словно хотел принести ему клятву верности – вряд ли нечто похожее хоть когда-то происходило между зида'я и смертным. Рука Кормаха оставила кровавый след на лице Инелуки.

– Я был глупцом, – сказал брат моего господина. – Из-за меня погибли смертные и зида'я. Мне не следовало над тобой смеяться. Не вызывает сомнений, что это действительно Хидо-хеби, один из Великих Червей.

– Я совсем не горжусь тем, что оказался прав, милорд, особенно учитывая, сколько ваших и моих людей расстались с жизнью. – Кормаха, казалось, смутил неожиданный жест Инелуки. – Я же говорил, что видел зверя, а перед этим много дней шел по его следу.

Инелуки выпустил руку смертного.

– И все же, если бы не мое упрямство и чрезмерная, отвратительная уверенность в том, чего я не знал, моя любимая Йоу была бы сейчас со мной. До конца дней я буду испытывать стыд за свое безрассудное поведение.

Я еще никогда в жизни не видел у него на лице такого опустошенного, смущенного и безнадежного выражения и подумал, что оно граничит с настоящим безумием.

Тарики Ясноглазый и те, кого Хакатри отправил к нему на помощь, добрались до дороги.

– Со мной двое раненых, лорд Хакатри, – крикнул Тарики, когда оруженосцы сняли обмякшие тела с его седла. – Ракийо и Айе. Оба серьезно пострадали, у них множество сломанных костей, Айе потерял много крови.

– Да! – со стоном сказал мой господин. – Клянусь Садом, ужасный день. Йоу и Лилаго мертвы, многие серьезно пострадали. – Он замолчал на мгновение, не в силах справиться с охватившими его чувствами. Но потом вскинул голову, и на лице у него появилось жесткое выражение. – Мы должны поспешить в Асу'а, не теряя времени. Айе и другим раненым требуется помощь целителей, Защитник и Са'онсера должны как можно скорее узнать про чудовище, которое мы обнаружили, а я потерял своего Свидетеля где-то в болоте.

Без зеркала общения, сделанного из чешуйки дракона, мы могли только отправить верхового посланца, а это заняло бы несколько дней.

– Поступай как считаешь правильным, – заявил Инелуки. – Но я не вернусь в Асу'а.

Хакатри как-то странно на него посмотрел, и я увидел в его взгляде гнев и одновременно беспокойство.

– Так нужно, брат, но не бойся – Йоу и остальные будут отомщены, обещаю тебе. Мы вернемся с большим отрядом и уничтожим чудовище.

– И все же, – сказал Инелуки, но больше ничего, и я не понял, что означали его слова.

Тарики хромая подошел к моему господину.

– В Асу'а долгий путь, Хакатри, по крайней мере два полных дня, но, скорее всего, больше, потому что мы потеряли нескольких лошадей и тех, кто тяжело ранен, придется нести.

Хакатри ничего не ответил, но я видел боль у него на лице.

– Будет как будет, – проговорил он наконец. – Но больше ждать нельзя.

– Может быть, стоит доставить раненых в Серебряный дом? – предложил Тарики. – Он ближе Асу'а, а у лорда Эназаши наверняка полно целителей.

Инелуки нетерпеливо расхаживал около своего коня.

– Разговоры, разговоры и снова разговоры. Йоу мертва! И пока мы тратим время на бесполезную болтовню, многим суждено страдать и покинуть наш мир!

– Всегда есть время, чтобы сделать правильный выбор вместо плохого, – сказал мой господин.

Инелуки снова забрался в седло.

– В таком случае делай свой выбор, брат, – заявил он. – А моя боль невыносима, даже если всех раненых удастся вылечить, я не смогу смотреть на новые смерти – или сойду с ума.

– Прошу прощения, милорды, – заговорил подошедший к ним Кормах, – но я хочу вам напомнить, что лорд Эназаши сказал нам, что не желает иметь никакого отношения к охоте на дракона.

– Тогда Червь еще не убил никого из зида'я, – сказал Тарики. – И в любом случае я уверен, что он не откажет в помощи Айе и остальным раненым.

– Даже если и так, – проговорил Хакатри, – дорога через горы будет долгой и тяжелой.

Я редко видел своего господина таким разбитым.

– Среди ваших людей также много раненых, принц Кормах, не так ли? Лорд Эназаши и в лучшие времена постоянно находится в скверном настроении. К тому же он не переносит смертных. Он может отказать вам в помощи. – Хакатри покачал головой. – Мы могли бы отправиться к Даниади, он верный друг Дома Ежегодного Танца, а его поместье на Березовом холме находится всего в нескольких часах отсюда. Я знаю, что он с радостью нас примет, и, вполне возможно, смертных тоже, но у него небольшое хозяйство и, скорее всего, один целитель.

– А как насчет озера Небесное зеркало? – спросил Кормах.

Хакатри вскинул голову так, будто получил пощечину.

– Разумеется! Они всего в нескольких часах дальше дома Даниади. А там примут ваших людей?

Кормах кивнул.

– Мы часто торгуем с ситхи, живущими на берегу озера.

Его ответ меня озадачил.

– Мне незнакомо это имя. Кто такие *ситхи*?

– Так мы, эрны, называем народ вашего господина зида'я, – ответил мне Кормах. – Леди Винадарта правит поселением зида'я у подножия холмов, недалеко от горы Серебряный дом. Мы часто с ними торгуем.

– У них достаточно целителей? – спросил Тарики.

– Да, и я не сомневаюсь, что они помогут вашим и моим раненым. Мы считаем Винадарту другом.

– Отличная мысль, принц Кормах. – К моему господину вернулась некоторая уверенность. – Мы отправимся на восток, в сторону озера Небесное зеркало.

Мы собрали пострадавших, которых сумели вынести из Долины Змея, смертных и бессмертных, раненых и мертвых, и постарались как можно удобнее устроить для путешествия тех, кто еще был жив. Другие тела остались в том ужасном болоте, но мы ничего не могли для них сделать, пока чудовище оставалось в живых.

Я надеялся, что лично мне больше не придется возвращаться в эту долину.

Дорога между Серебряным путем и озером Небесное зеркало извивалась среди холмов, но была не слишком крутой, а во многих местах ровной и открытой со всех сторон. Я смотрел на деревья с молодыми зелеными листочками и пытался понять, как мир продолжает оставаться таким живым и полным новых обещаний в столь жуткий день.

Солнце, которое еще не добралось до зенита, когда мы чудом спаслись из Долины Змея, начало клониться к горизонту к тому времени, как мы прошли между двумя высокими скалистыми холмами и оказались в длинной долине, над которой сгущались сумерки. Инелуки отстал от всех и ехал в одиночестве, а мой господин, Тарики и смертный принц мчались вперед, возглавляя отряд. Небольшое озеро Небесное зеркало, чьи серебряные воды потемнели с окончанием дня, вытянулось почти на лигу вдоль подножия гор Солнечные ступени. Вскоре мы увидели поселение, и даже в тусклом свете оно меня удивило, поскольку совсем не походило ни на один город зида'я, где мне довелось побывать. Дома и все остальные сооружения были выстроены не из камня или даже дерева, но из разноцветной ткани, натянутой между деревьями. Самыми прочными казались ограждения из связанного тростника.

Стены ненадежных строений раскачивались и трепетали под легким ветерком, и создавалось впечатление, будто ты попал в сад с огромными цветами, а не в место, где кто-то живет.

– Почему все тут выглядит так, словно они только что появились? – спросил я.

– Не поддавайся первому и ошибочному впечатлению. Народ Винадарты живет здесь, у озера, много Великих лет, – сказал мой господин. – Но они строят дома так, как делал наш народ, когда Восемь кораблей впервые прибыли в эти земли, чтобы целый город можно было унести на спинах жителей.

Когда мы подъехали к поселению ближе, Тарики крикнул, что видит группу всадников, которые скачут в нашу сторону. Я не смог разглядеть их в удлинявшихся тенях, но вскоре оказалось, что Тарики не ошибся: к нам быстро направлялись около двух дюжин зида'я. Лорд Хакатри поднял руку, и все натянули поводья, дожидаясь, когда всадники окажутся ближе.

Отряд возглавляла женщина, и хотя она выглядела совсем юной, легко управляла своей лошастью и спутниками. Взмахом руки она их остановила, а сама выехала вперед.

– Уверен, что это не Винадарты, – сказал Тарики.

– Перед вами Винайю, дочь Винадарты, милорд, – объяснил Кормах. – Но я редко видел ее такой серьезной и воинственной. – Он поднял руки вверх, чтобы приближавшаяся всадница их увидела. Винайю была в доспехах из ведьминого дерева, а в руке держала копье. – Леди Винайю, послушайте! – крикнул он. – Я Кормах из Эрны, со мной несколько ваших соплеменников!

– Какая неожиданность, – широко улыбаясь, сказала Винайю, остановив скакуна в нескольких шагах от моего господина и остальных. – Лорд Хакатри? Неужели это вы? Да еще в компании с эрнами?

– Так и есть, – подтвердил мой господин. – А это мой товарищ, Тарики Ясноглазый. С нами также мой брат Инелуки. Нас атаковал чудовищный Червь, и мы понесли потери. С нами раненые, некоторые из них очень сильно пострадали.

Улыбка Винайю мгновенно погасла.

– В таком случае давайте не будем терять время. Следуйте за мной. – Она повернулась, и мы прищипорили лошадей.

Очень скоро мы оказались среди шевелившихся на ветру стен поселения Небесное зеркало. Жители вышли, чтобы нас приветствовать, но в их радостных голосах тут же появилась печаль, когда они увидели, в каком состоянии находился наш отряд. Раненых перенесли в дома целителей, мертвых – почтительно и торжественно – в какое-то другое место.

Скажу честно, я мало запомнил из того вечера. Когда срочные дела были завершены, Винайю отвела нас в огромный, трепетавший на ветру зал, чтобы мы встретились с ее матерью, леди Винадартой. Седовласая хозяйка поселения оказалась высокой, с низким, сильным голосом, но я сидел далеко и не расслышал, что она говорила. Меня наполняли усталость и боль, и я не знаю, что ел и пил и что рассказывали о случившемся в проклятой долине мой господин и его спутники. Наконец Хакатри заметил, что я клую носом от усталости, и отправил спать.

Один из слуг Винадарты отвел меня к соломенному тюфяку в похожей на палатку комнате, выделенной моему господину. Не успел я лечь, как тут же провалился в глубокий сон. Я слишком устал, чтобы мне что-то снилось, и это стало благословением.

– Я же сказал, что не собираюсь возвращаться в Асу'а. – Инелуки покачал головой, но его лицо, точно фестивальная маска, ничего не выражало. Я множество раз видел, как он кипел от гнева или внезапно начинал радоваться, но сейчас все было иначе. – Если ты хочешь сообщить мрачные новости нашим родителям, можешь так и поступить. В присутствии всех жителей Асу'а я поклялся убить Червя и не могу вернуться домой, пока он жив.

Инелуки и все, кому удалось остаться в живых, собрались в похожей на палатку комнате Хакатри, стены которой утренний свет раскрасил в разноцветные тона. Мой господин предложил нам отправиться домой в тот же день, оставив раненых у озера Небесное зеркало до тех пор, пока они не смогут самостоятельно вернуться в Асу'а, но слова Инелуки всех удивили.

– Что за безумие на тебя нашло? – сердито спросил Хакатри. – Ты видел Хидохеби собственными глазами, брат. Он является потомком Каэрукама'о Великого, на счету которого тысячи жертв! Шестидесяти верховых воинов, возможно, хватит, чтобы немного задержать Черного Червя, но у нас осталось около дюжины тех, кто может сражаться, включая оруженосцев. Нам не по силам атаковать его без дополнительной помощи. В любом случае новость о нем необходимо сообщить в Асу'а, чтобы родные погибших узнали, что здесь произошло.

– В таком случае отправляйся домой и сообщи им. – Инелуки даже не смотрел на брата. – А я не могу. И не стану. Мы все знаем, что причиной трагедии стали моя гордость, упрямство и глупость. – Он помолчал, а затем поднял правую руку. – Услышьте меня все. Я клянусь моими предками и именем самого Сада, что не вернусь в Асу'а, пока Червь жив.

Потрясенное молчание опустилось на собравшихся зида'я, и я почувствовал ледяную хватку отчаяния.

– Плохая мысль, которую не следовало произносить вслух, – сказал Хакатри брату. – Мне жаль, что ты это сделал.

– Однако слова прозвучали, – ответил Инелуки. – И это моя клятва, а не твоя, брат. Ты же поступай, как считаешь правильным.

Мой господин покачал головой.

– Такие клятвы часто превращаются в проклятия, – только и сказал он, но я видел, что он обеспокоен, даже напуган.

Тарики и все остальные умоляли Инелуки взять назад безумную клятву, но он твердо стоял на своем. Я и раньше видел у него подобное упрямство, но никогда в столь жутких обстоятельствах. Хакатри также пытался его переубедить, но даже самые искренние и проникновенные слова оказались бесполезными, только заставили Инелуки покинуть комнату Хакатри.

Когда Инелуки ушел, мой господин погрузился в мрачное настроение.

– Я не могу оставить его здесь одного. Инелуки переполняет стыд за тех, кто тут погиб, и вскоре он начнет думать, как исправить свою ошибку, и вернется в долину, чтобы убить Великого Червя – один, если с ним никого не будет. И встретит свою смерть. – Он повернулся ко мне. – Мне следовало внимательнее отнестись к опасениям Брисейю. Я тоже повел себя как болван.

– Не важно, кто виноват в том, что произошло, ты правильно сказал брату, что нас слишком мало, – запротестовал Тарики. – Если мы отправимся охотиться на Червя, мы все умрем.

– Возвращайся в Асу'а, старый друг, – сказал ему Хакатри. – Попроси моего отца отправить нам в помощь отряд воинов.

Тарики посмотрел на него с сомнением.

– Мне придется оставить тебя здесь, и пока я буду пытаться их убедить, ты последуешь за Инелуки в болото? Потому что знаешь: когда на него находит такое настроение, он идет туда, куда оно его ведет.

– Жаль, что мы не можем найти поблизости достаточно большой отряд, чтобы у нас появились шансы справиться с Хидохеби, – сказал Хакатри.

– Ты не забыл, что неподалеку находятся владения Даниади? – сказала Шуда, племянница моего господина, которая недавно стала членом его охотничьего отряда.

– У Даниади совсем небольшие владения. – Хакатри встал. – Но здесь, у озера Небесное зеркало, живет много наших соплеменников, а леди Винадарта наделена мудростью. Я с ней поговорю.

Хозяйка поселения Небесное зеркало завтракала и любезно пригласила моего господина и Тарики к ней присоединиться. Мое имя не прозвучало, но я остался со своим господином, и один из слуг принес для меня тарелку. Я ел хлеб со сладким маслом, а мой господин говорил о своих проблемах.

– Иными словами, ты хочешь собрать боевой отряд, не возвращаясь в Асу'а? – Винадарта нахмурилась. – Я три дня назад отправила достаточно много воинов на восток. Много по нашим представлениям, но не для Асу'а. В Лимберлайте появились гиганты.

– Мы знаем, – сказал мой господин. – Мы тоже туда собирались перед тем, как мой брат решил поискать Черного Червя.

– В любом случае в нашем отряде не более дюжины сильных воинов. Этого недостаточно, чтобы справиться с таким ужасным существом, даже будь они здесь. – Винадарта выглядела искренне расстроенной. – Боюсь, я не смогу тебе помочь, Хакатри. По крайней мере, до тех пор, пока они не вернутся, а это будет не раньше чем поменяется луна, так я думаю.

Хакатри на мгновение закрыл глаза, как будто даже мысли причиняли ему боль, но тут же снова их открыл.

– Эназаши! – проговорил он. – У лорда Серебряного дома воинов более чем достаточно. На удлинённом худом лице Винадарты отразились сомнения.

– Захочет ли он тебе помочь? Он не слишком любит твоих родителей и Асу'а, а принц Кормах говорил нам, что Эназаши уже отказал смертным, когда они к нему обратились.

– Но мы не смертные, мы его родня, – возразил мой господин. – К тому же мы ничего не потеряем, если спросим. И в любом случае это на некоторое время отвлечет моего брата. Я ему скажу. Мы сможем добраться до Южных ворот Мезуту'а к завтрашнему вечеру.

– Если ты твердо решил туда отправиться, есть более быстрый путь, – сказала Винадарта. – Я поручу дочери провести вас тайными тропами к Восточным воротам Серебряного дома.

И она попросила слугу привести Винайю.

Вскоре в комнате матери появилась молодая зида'я. Она расплела боевые косы, и теперь волосы, точно вуаль, окутывали ее плечи. Винайю сняла доспехи и надела простую одежду, в которой здесь ходили все зида'я.

– Да, мама?

– Пожалуйста, отведи лорда Хакатри к Восточным воротам Серебряного дома. Ты знаешь дорогу.

– Как скажешь, – ответила дочь. – Мы должны отправиться прямо сейчас?

Хакатри встал и поклонился Винадарте.

– Я благодарю вас за доброту, госпожа, но сначала я должен убедить брата нас сопровождать. Мы будем готовы к середине утра, – сказал он, повернувшись к Винайю.

– Я вас жду, – с уверенной улыбкой ответила девушка.

Глядя на нее, я подумал: *Вот та, что радуется приключениям.*

Мы двинулись в путь, когда солнце поднялось над восточными холмами – пешком на сей раз. Мой господин, его мрачный брат и, разумеется, я шли за Винайю по неровным и часто скрытым от глаз тропам, вдоль основания высоких холмов на берегу озера, и я любовался ее великолепными голубыми волосами. Мы держались рядом с водой, пока не оказались там, где озеро заканчивалось. Я не понимал, почему эта дорога считалась более коротким путем в Мезуту'а, и даже на лице моего господина застыло удивление, но дочь Винадарты вела нас вдоль болотистой границы озера, пока мы не добрались до его западной оконечности.

Над головами у нас сияло полуденное солнце, когда мы наконец остановились в довольно шумном месте. Здесь озеро превратилось в бурлящий пруд, где сбегавшие с высоких гор две реки сливались в одну, образуя водопад, который питал озеро Небесное зеркало. Винайю повела нас к маленькой пристани в заводи, рядом с украшенной белой пеной, будто кипевшей водой. Круглые плоскодонки, привязанные к пристани, вызвали мое удивление: вместо того чтобы оставаться открытыми небу, у каждой, даже самой маленькой, имелась изогнутая крыша из лакированной коры, укрепленная на тонких деревянных столбиках.

– Неужели мы похожи на тех, кто боится солнца, дитя озера? – Инелуки показал на крытые лодки.

– Ваш вопрос говорит о том, что вам еще не доводилось путешествовать по Проходу папоротников, милорд, – ухмыльнувшись, ответила Винайю и показала на одну из маленьких лодок. – Забирайтесь, лорд Инелуки, лорд Хакатри и ты, оруженосец.

Когда мы уселись в лодку, мой господин спросил, не могут ли он и его брат помочь Винайю грести, но та покачала головой.

– Я благодарю вас, но, боюсь, несмотря на вашу мудрость и умения, вы больше навредите, чем поможете. Скоро вы увидите, что я буду делать, и все поймете. И умоляю вас, не чувствуйте, что ваша гордость уязвлена.

Мой господин улыбнулся и сказал:

– Ни в коей мере, я не вижу для этого причин.

Однако мне показалось, что Инелуки не особо был с ним согласен.

Я удивился, когда увидел, что Винайю не стала использовать весло, а взяла со дна лодки длинный шест, оттолкнулась от причала, и мы мгновенно оказались в сгущавшейся туче водяной дымки и пены и направились прямо к водопаду, что показалось мне совершенной глупо-

стью, к тому же смертельно опасной, но мой господин выглядел спокойным, и я постарался следовать его примеру. Наша маленькая лодочка подпрыгивала и раскачивалась в бурлившей воде, но дочь Винадарты при помощи шеста следила за тем, чтобы она не перевернулась.

Я сразу понял, почему Винайю управляла лодкой сама, отказавшись от помощи Хакатри и его брата. По мере того как мы приближались к грохотающей стене воды, она стала использовать шест как длинную руку, чтобы провести нас между невидимыми камнями, которые скрывались в пене и кипящей воде, неуклонно приближаясь к водопаду. Утреннее солнце стояло уже высоко, в воздухе резвились радуги, и я подумал про Поэта Третьего Сада, называвшего их *«Свет, поющий разными цветами»*. Когда стало казаться, что мы будем погребены под потоками воды, Винайю наклонилась, шестом нащупала дно, затем выгнула спину, изящным движением оттолкнулась от него, и мы влетели в водопад.

Грохот воды, падавшей на хрупкую крышу нашей лодочки, был оглушительным, и я не сомневался, что она в любой момент сломается и упадет нам на головы или сила потока швырнет нас в водоворот. Но не успело мое сердце стукнуть в груди дюжину раз, как шум у нас в ушах стал тише, а через мгновение лодка больше не раскачивалась и плыла вперед легко, точно листок. Мы миновали водопад и оказались в пещере за ним.

Я посмотрел на господ и увидел, что Инелуки ухмыляется, но Хакатри сохранял полнейшую невозмутимость. Повернувшись на корме, я понял, что это не пещера, а высокая темная расщелина в каменистом основании горы, шершавые стены которой освещал лишь солнечный свет, проникавший сквозь водопад у нас за спиной. Мы плыли по реке, гораздо более спокойной, чем парочка ручьев, что мчалась по склону и, объединившись, создавала водопад, скрывавший расщелину и реку. Она вливалась в озеро Небесное зеркало невероятно медленно, и никому не пришло бы в голову, что она пряталась за диким, оглушительно грохотающим водопадом.

– А сейчас вы увидите Проход папоротников, – сказала Винайю.

По мере того как мы все дальше уплывали от входа, света становилось меньше, и вскоре мы уже двигались в кромешной темноте, хотя каким-то непостижимым образом Винайю управляла лодкой так, что та ни разу не села на мель. Довольно долго я ничего не видел и не слышал, но когда мне стало не по себе и я начал представлять чудовищ, цеплявшихся за потолок у меня над головой или прятавшихся под поверхностью отрезанной от всего мира реки, снова стало светлее и послышался плеск воды.

– Первый сад Прохода, – объявила Винайю.

Здесь дневной свет просачивался внутрь сквозь отверстия в камне над нами. Из некоторых вытекали тонкие ручейки, из других вода лилась похожими на арки потоками. И все они казались ненамного тише огромного водопада, потому что мы так долго плыли почти в полной тишине. Теперь, когда свет вернулся, я смог разглядеть по берегам реки громадные, будто кивавшие мне папоротники и другие растения с большими листьями. Вьюнки поднимались по стенам, а местами полностью скрывали потолок.

Мы скользили по медленной реке, миновали еще несколько освещенных солнцем садов, узких мест, где падала сверху, словно занавес, вода. Сначала Инелуки захватила красота садов, которые никто не ожидал здесь увидеть, и они вызвали у него такое восхищение, что он даже время от времени принимался напевать старые песни. Но через некоторое время он замолчал, как и мой господин Хакатри, и выглядел так – по крайней мере, мне так показалось, – будто хотел, чтобы путешествие поскорее подошло к концу.

Наконец наша лодочка под управлением Винайю выплыла в огромную подземную пещеру, полностью заполненную большим черным озером. Сюда не проникали солнечные лучи – ведь мы находились в самом сердце горы, но кое-где воду озаряли фонари на корме маленьких лодочек вроде нашей, которыми управляли соплеменники Винайю, и казалось, будто над

темным озером, покрытым небольшой рябью, повисли диковинные сияющие арки, заливавшие грубые стены пещеры мягким светом.

– Это Беззвездное озеро, – объявила Винайю. – А яркая арка вдалеке – Старые ворота. Однажды дед рассказал мне, что это часть корпуса Великого корабля, который использовали для строительства Мезуту'а.

С этими словами она наконец положила шест и взяла весла. Река была такой спокойной, что уже после нескольких гребков мы оставили за спиной Проход папоротников и вскоре оказались около ярко освещенной арки в массивной стене. Сама стена, высокая и гладкая, изящно изгибаясь, уходила вверх и исчезала далеко у нас над головами. А я с потрясением думал, что смотрю на один из легендарных Великих кораблей.

Винайю оставила нас, с улыбкой и поклоном приняв благодарность моего господина. Однако, когда она повернулась, собравшись направить лодочку назад по озеру, дольше всего она смотрела не на моего господина, а на Инелуки, который не сводил глаз с огромного портала, не замечая ее взгляда. Впрочем, я довольно часто такое видел. Красота и изящество Инелуки покорили много сердец, и я знал, что, вне всякого сомнения, покорят в будущем.

К тому времени, когда мы прошли по каменистому берегу к огромным Старым воротам, открылась маленькая дверь и появился отряд воинов из Серебряного дома, чтобы нас встретить. Моих господ узнали и обращались с ними с соответствующими почестями, хотя чувствовалось, что хозяевам немного не по себе от нашего неожиданного визита. Стражники повели нас в город, отправив вперед посланников. Мы ехали по широким мощеным улицам Мезуту'а, освещенным на каждом перекрестке розовыми и янтарными кристаллами, такими же, как на воротах, и город окутывало мягкое сияние, подобное рассветному небу, хотя мы находились в самом сердце горы.

Мы видели на улицах множество представителей клана Серебряный дом, большинство нас вежливо приветствовали, хотя некоторые были слишком заняты пением и разговорами и нас не замечали. Нас отвели в Зал Свидетеля, мы тихо вошли в дверь, остановились и ждали у порога окутанной тенями огромной круглой комнаты. Стены Зала Свидетеля украшала изысканная сложная резьба и множество стилизованных скульптур, изображавших долгую историю Мезуту'а. В самом центре зала по кругу стояли сотни каменных скамеек, но, когда я вошел, я смог разглядеть только Главного Свидетеля – огромный необычный сиявший кристалл, называвшийся Осколок. Его молочно-матовый свет раскрашивал лица тех, кто находился в центре широкого, в форме чаши, помещения.

Около двадцати аристократов зида'я собрались вокруг каменного кресла и того, кто на нем сидел, – вне всякого сомнения, Эназаши. Глава Серебряного дома был высоким и мрачным, точно орел на ветке дерева, на худом лице застыло суровое, холодное выражение. Он являлся одним из самых старых представителей народа моего господина. Только бессмертная Утук'ку, Амерасу Рожденная на Корабле и еще горстка зида'я прожили больше него.

В центре Зала Свидетеля, рядом с Эназаши на скамье, всего в нескольких шагах от каменного кресла кто-то сидел, и, к своему удивлению и смущению, я вдруг понял, что это не зида'я, а представитель моего собственного народа – тинукедат'я. Те из подменьшей, кто много времени провел среди зида'я, становятся на них похожи, как, например, я и этот сгорбленный тинукедат'я, хотя я никогда не видел столь хрупкого и подавленного зида'я.

– А это кто такой? – шепотом спросил я своего господина.

– Кай-Аниу, еще один правитель Серебряного дома, – ответил он. – А сейчас помолчи, Памон. Боюсь, нас ждет не самая приятная аудиенция.

Герольд для торжественных случаев предложил моему господину и его брату встать в свете Осколка. Хакатри и Инелуки запели Шесть песен Уважительной просьбы, Инелуки, расправив плечи и откинув назад голову, мой господин – в более обычной позе, но Эназаши корот-

ким взмахом руки показал, чтобы они замолчали. Тинукедая Кай-Аниу, казалось, не обращал внимания на происходящее, уставившись на свои сцепленные руки.

– Я не стану спрашивать, что привело вас ко мне. – Голос Эназаши прозвучал гораздо сварливее, чем позволяли приличия. – Мне кажется, я знаю. Винадарт и ее озерные подданные, вне всякого сомнения, пожаловались Дому Ежегодного Танца на что-то сделанное мной. Вот вас и отправили сюда сделать мне выговор, как будто я непослушный ребенок, а не хозяин в своем собственном доме.

– Ничего подобного, с'хью Эназаши, – быстро проговорил мой господин. – Смертные из М'айин Азошаи пришли в Асу'а, потому что дракон убил большое число их животных, а также некоторое количество людей. Вчера он напал на тех из нас, что пришли из Асу'а, чтобы на него посмотреть, у нас погибло несколько человек и многие ранены.

Возможно, от Эназаши ожидали удивления или проявления сочувствия. Но ничего этого не произошло.

– Значит, вы пришли не от имени своих родителей, а в качестве защитников смертных? Впрочем, наверное, тут нет ничего неожиданного. Сказать вам, что говорили смертные, когда впервые явились ко мне просить помощи?

Хакатри сильно удивили его резкие слова, но он кивнул.

– Разумеется, лорд Эназаши.

– Когда мой посланник сообщил им, что я не собираюсь отправлять свою армию сражаться с болотным Червем, они ответили моему слуге так: «Тогда мы пойдем в Асу'а в надежде, что встретим там более великодушное отношение со стороны короля и королевы вашего народа». – Эназаши наклонился к моему господину, глаза горят, плечи сгорблены... ну точно хищная птица. – Теперь твои родители *так* себя называют, молодой Хакатри? Королем и королевой зида'я?

– Вы знаете, что это совсем не так, милорд. Дело всего лишь в непонимании, которое возникло между языком смертных и нашим, и оно не имеет никакого отношения к моим родителям или Асу'а.

Эназаши выпрямился, опираясь о спинку кресла.

– В таком случае что привело вас ко мне, если не требование, чтобы я преклонил колени перед Асу'а и его правителями?

– Мы пришли просить помощи, милорд. Мой брат... – Хакатри мгновение колебался. – Мой брат и я отправились верхом в Долину Змея с небольшим отрядом охотников, но не за тем, чтобы сразиться с Червем, мы просто хотели на него посмотреть и побольше о нем узнать. Но он неожиданно на нас напал в болотистой долине. Теперь мы уже совершенно точно знаем, что это действительно один из Великих Червей, смертоносный Хидохеби, оказавшийся слишком огромным и злобным для нашего маленького отряда. Мы надеемся с вашей помощью помешать ему и дальше отнимать жизни.

Он сплел пальцы в церемониальном жесте родства, который я не слишком часто видел.

– И дальше отнимать жизни? Он не причинил ни малейшего вреда никому из Серебряного дома. – Эназаши говорил спокойно, но я слышал в его голосе гнев. – Мы здесь в безопасности, нас защищают горы. У нас имеются и другие входы и выходы, кроме Серебряного пути, – мне сообщили, что вы пришли по одному из них. Так что мы не боимся большого Червя и вообще никого не боимся.

– В таком случае вы – глава своего клана, каких редко найдешь на свете, – резко вмешался Инелуки. – Вы уверены в своих подданных и их безопасности, в то время как на пороге у вас поселился дракон.

Хакатри бросил на брата предупреждающий взгляд, прежде чем снова повернулся к господину Мезуту'а.

– Великий Червь – враг всем живым существам, лорд Эназаши, – сказал он. – Я не сомневаюсь, что нас объединит общая цель – уничтожить существо, которому нет никакого дела до кланов, и ему все равно, кто его жертвы, смертные люди или бессмертные зида'я.

Лицо Эназаши стало еще холоднее и более отстраненным.

– Общая цель. Благородное заявление. – Он повернулся к молчавшему тинукедат'я, который сидел рядом на каменной скамье. – Ты слышал, лорд Кай? И что ты думаешь по этому поводу?

На мгновение Кай-Аниу посмотрел Эназаши в глаза, потом снова опустил голову, изобразив рукой жест, которого я не понял.

– Лорд Кай со мной согласен, – заявил Эназаши. – Да, ваша «общая цель» – очень благородное чувство, если вспомнить, как его использовал в прошлом Дом Ежегодного Танца.

– Оскорбления, – прошептал Инелуки. – И больше ничего древний тиран нам не даст. Мы зря теряем время, брат.

– Я вас не понимаю, милорд, – быстро и громко сказал Хакатри, возможно, чтобы отвлечь Эназаши от шепота младшего брата. – Что правители Асу'а сделали вам плохого? Когда отказали в просьбе о помощи?

Эназаши вцепился в ручки кресла, как будто старался заставить себя продолжать сидеть.

– Ты спрашиваешь – когда? Конечно, когда отдали М'йин Азошаи тем самым смертным, помощи которым вы явились просить. Понятно, почему существа, называющие себя «люди», отправились в Асу'а молить о поддержке, ведь твои предки подарили им М'йин Азошаи, хотя земли по праву принадлежали клану Серебряный дом.

Я наконец все понял, хотя не сомневался, что мой господин намного раньше меня догадался о причине возмущения лорда Эназаши. Давным-давно, задолго до моего рождения, первая и величайшая представительница зида'я, леди Азоша, поселилась на холме, который Эназаши жаждал получить. Она принадлежала к тому же клану, но Азоша и Эназаши не ладили друг с другом. Когда Великий корабль прибыл на место, где позднее построили Мезуту'а, она оставила свой клан, чтобы идти собственным путем в новом мире. Возможно, по этой причине, умирая, Азоша подарила земли М'йин Азошаи смертным, родичам Эрна Охотника. Когда клан Серебряного дома оспорил ее право так поступить, вопрос дошел до бабушки моего господина, Сендиту, являвшейся в то время Са'онсерой в Асу'а, чтобы она разрешила их разногласия. Сендиту объявила, что, поскольку Азоша там поселилась до того, как Серебряный дом был построен из обломков Великого корабля, доставившего сюда всех, клан Эназаши не может претендовать на ее земли.

Конфликт продолжался вот уже несколько веков, и я не сомневался, что ни мой господин, ни его брат не могли ничего сделать, чтобы Эназаши перестал испытывать горечь. Но уже через мгновение в голову мне пришла мысль, которая невероятно обрадовала. Нам нет смысла пытаться убить Великого Червя с таким маленьким отрядом, как правильно сказал мой господин. А поскольку не вызывало сомнений, что Эназаши не станет нам помогать, нам придется вернуться в Асу'а.

И тут неожиданно заговорил один из зида'я, стоявших у кресла Эназаши. Он был молод, во всяком случае, по меркам зида'я, но его голос, наполненный силой, звучал уверенно:

– Отец, я считаю, что старые разногласия не должны влиять на ситуацию, когда приходит настоящая беда. Червь – наш общий враг...

– Замолчи, Йизаши, – сказал его отец. – Ты пока еще не правитель этих владений, а если намерен отказаться от права, полученного при рождении, из-за пустяка, то никогда и не станешь правителем – никаким. Я принял решение. Мы будем обращаться с гостями из Асу'а вежливо – того требует наша общая кровь, – но я не собираюсь рисковать ни одним из своих воинов в охоте на чудовище. Если Червь угрожает смертным, которые узурпировали наши

земли, пусть *они* помогают воинам из клана Са'онсерей с ним расправиться. – И он выставил ладони перед собой, показывая, что аудиенция закончена.

– А что думает лорд Кай? – спросил мой господин. – Он еще не произнес ни слова.

Эназаши наградил его мрачным взглядом, но на губах у него появилась улыбка.

– Ах да, разумеется. Благословенное наследство, оставленное мне Дженджияной, – мой соправитель. – Он повернулся к Кай-Аниу, и тот съежился под его взглядом, точно кусок мяса на горячем камне. – Лорд Кай? Вас удовлетворяет мое решение?

Тинукедая долго не поднимал головы и не встречался с ним глазами, а потом таким тихим голосом, что услышать его могли только те, кто стоял рядом с Осколком, ответил:

– Да, лорд Эназаши. – Его слова были подобны шелесту падающих на землю листьев.

– Ну теперь ты доволен, юный Хакатри? – потребовал ответа Эназаши. – Все сделано так, как входило в планы твоих предков из Дома Ежегодного Танца. Между правителями Мезуту'а царит идеальная гармония. – Он встал и, хотя в первый момент слегка покачнувшись, отмахнулся от сына, собравшегося ему помочь. – У меня впереди еще несколько Великих лет, – заявил он. – Я не нуждаюсь в том, чтобы меня кто-то поддерживал, а также в наставлениях собственного сына.

Эназаши плотно запахнул свое одеяние и медленно двинулся по Залу Свидетеля, и придворные потянулись за ним. Длинные ноги и неуверенная походка делали его похожим на береговую птицу, сражающуюся с волнами. Лорд Мезуту'а шел, гордо подняв голову, пока не покинул огромный зал, и мы больше не могли его видеть. Через несколько мгновений стражники зида'я взобрались на помост и вывели того, кто звался Кай-Аниу, из Зала Свидетеля. С обеих сторон его крепко держали за локти, и он скорее походил на пленника, чем на монарха.

– Что все это означало? – позже спросил я у моего господина. – Насколько я понял, Эназаши сердит на ваших родителей из-за смертных. Но кто такой Кай-Аниу?

– Мне жаль, что ты задал свой вопрос, Памон, – сказал он. – И я стыжусь об этом говорить. К тому же нас уже ждут за столом.

Хакатри и его брата поселили на ночь в одном из больших домов Мезуту'а – не все аристократы города относились так же плохо к клану Дома Ежегодного Танца, как их правитель. Хозяин *этого* дома, лорд Гондо, отправил великолепные одежды моему господину и Инелуки, но не мне.

В другие времена я бы не стал настаивать на ответе, но странное зрелище, свидетелем которого стал в Зале Свидетеля, смутило и обеспокоило меня.

– Прошу вас, господин. Объясните.

– Тебе известно про Прощание, – вздохнув, начал он, – когда хикедая Утук'ку и зида'я пошли разными путями.

– Разумеется, милорд, – ответил я, хотя, как и с множеством других эпизодов из истории зида'я, знал это со слов других, а не потому, что старательно изучал.

– В те времена Дженджияна, моя прабабушка, отдала во владения тинукедая три из Девяти городов...

Его слова меня так удивили, что я осмелился его перебить.

– Моему народу, милорд? Сама Соловей позволила моему народу править городами? Я никогда про это не слышал и даже не мог представить, что мои соплеменники занимали столь высокое положение в мире.

– Да, – кивнув, ответил он. – Во время Прощания было принято решение, что они будут править Мезуту'а, Хикехикайо на севере и островным городом Джина-Т'сеней. Но декрет Дженджияны... ну, все пошло не так, как она хотела. Джина-Т'сеней, Город Колонны, исчез в водах южного моря задолго до моего рождения, погиб во время страшного землетрясения, уничтожившего еще и легендарный Кементари, но другие города сохранились – мы жили в одном из них.

– И что произошло, господин?

У меня не вызывало сомнений, что ему совсем не хотелось продолжать.

– Это печальная, а для меня и позорная история, Памон. В Хикехикайо против тинукедая с самого начала выступили хикедая, хранившие верность Утук'ку, которая уже тогда называла и вела себя как королева. Их попытка сбросить лидеров тинукедая провалилась – чудом, – и большинство хикедая ушли в Наккигу, тронный город Утук'ку. Сегодня там живет совсем немного наших родичей, а сам Хикехикайо превратился в крошечный городок.

– А два других?

– В Джина-Т'сеней дела шли лучше, и тинукедая правили там с помощью хикедая и зида'я. Но потом произошла страшная катастрофа, и город исчез.

– Вы еще не рассказали про Мезуту'а, – сказал я.

– Это самая тяжелая и неприятная часть истории, – ответил Хакатри. – Если коротко, зида'я Серебряного дома никогда до конца не принимали власть Дженджияны, и когда Эназаши унаследовал право возглавить свой клан, он отобрал власть у тинукедая.

И снова его слова глубоко меня потрясли.

– Он выступил против воли Дженджияны?

– К тому времени дух Соловья уже вернулся в Сад, и, хотя мои бабушка и дед дали ясно понять, что они не поддерживают захват власти Эназаши, у них оставался единственный выход – выступить против него с оружием в руках. Но ведь в его жилах текла такая же кровь зида'я.

Я молчал. Несправедливость произошедшего была выше моего понимания.

– Иными словами, Асу'а ничего не сделал, чтобы ему помешать?

В голосе Хакатри появился намек на раздражение.

– Они вовсе не игнорировали случившееся, Памон. Их возмущение и протесты заставили Эназаши объявить бывшего правителя тинукедая вторым монархом, но только на словах – Эназаши не разделил свою власть. Тинукедая Мезуту'а не имеет никакого влияния, и с ним крайне редко советуются.

Я вспомнил грустный, потерянный взгляд Кай-Аниу и понял: хуже всего не то, что он не обладал властью, а постоянные напоминания об этом перед всем Серебряным домом. Я молча помогал моему господину надеть роскошные одеяния, присланные лордом Гондо.

В любое другое время я бы с удовольствием сидел и наблюдал за аристократами Мезуту'а, но в тот вечер меня переполняли гнев и тревога, хотя я не смог бы сказать почему, и даже сплетни великолепного качества не привлекали. Мое беспокойство росло, и наконец, когда банкет практически подошел к концу, я тихо попросил у моего господина разрешения прогуляться по городу.

– Конечно, Памон, – сказал он. – Только не забывай, что мы выезжаем завтра рано утром. – Он довольно долго молчал, а потом добавил: – Не заходи в часть города рядом с шахтами, где живут тинукедая.

– Почему, милорд? Вы не забыли, что я тоже тинукедая?

Я никогда не позволял себе так разговаривать со своим господином, но меня мучила тревога, какой я никогда не испытывал прежде.

– Нет, конечно, – сказал он. – Но иногда там бывает опасно.

Разумеется, я ни разу не слышал, чтобы какой-то район нашего дома в Асу'а или другого великого города называли опасным. В обычный вечер я бы постарался туда не соваться, но тогда находился в странном и беспокойном состоянии и мне отчаянно хотелось бросить вызов всем на свете. Я узнал, где расположены шахты, от одного из слуг – юноши, который принадлежал к моему народу и также предупредил меня, чтобы я держался подальше от этого района, – и совершенно сознательно направился в указанную им сторону.

Меня переполняли тревога и разочарование от того, что я узнал про Эназаши и тинукедая, которые раньше правили Серебряным домом, едва смотрел по сторонам и почти ничего

не замечал, когда шагал по улицам с высокими потолками этого подземного города. Позже мне стало известно, что, вдобавок к постыдному обращению с Кай-Аниу, Мезуту'а построен первым поколением моих соплеменников, добравшихся до этих мест.

Множество зида'я, занимавших не слишком высокое положение, заполняли бульвары, но мне казалось, что они почти не отличались от аристократов в банкетном зале, который я покинул. Этим так же переполняло веселье, когда они толпились под каменными светильниками возле питейных заведений и на общественных площадях. Почти никто из зида'я меня не замечал, и настроение у меня испортилось еще больше. Мне было мало известно о предках моего господина, кроме имен, но я знал Амерасу и Ийю'Анигато так же хорошо, как собственных родителей, и мне причиняло боль то, что они оставили столь ужасное преступление против моего народа безнаказанным.

Они были добры и обладали безупречным понятием о чести, в особенности леди Амерасу, и мой господин от них не отличался, но это не могло извинить несправедливость, о которой я узнал. И как бы я ни пытался найти убедительное объяснение их поступку, у меня ничего не получалось.

Я погрузился в мрачные мысли и не сразу заметил, что расстояние между каменными фонарями становилось все больше, хотя тут и там на пересечении улиц горели факелы, вставленные в держатели. Даже вывески на тавернах изменились, надписи на них были сделаны не рунами зида'я, которые я мог прочесть, а неизвестными мне символами. Когда я стоял на улице перед окутанным тенями постоянным двором, рассеянно наблюдая за молодыми тинукедда'я, толпившимися возле двери, я почувствовал, как кто-то потянул меня за рукав.

Неожиданно сообразив, что я погрузился в собственные мысли, я опустил глаза и увидел, что на меня смотрит принадлежавшая к моему народу маленькая девочка с грязным личиком. Она что-то сказала, но я ее не понял, о чем и сообщил.

– Не ходите туда, – повторила она неуверенно на языке зида'я.

Я взглянул на таверну.

– Почему? Вообще-то я не собирался.

– Они сделают вам больно.

Она смотрела на группу молодых тинукедда'я, собравшихся перед таверной, и я спросил:

– Ты про тех парней? Зачем им причинять мне боль? Я ведь тоже тинукедда'я.

Она покачала головой.

– Не в вашей одежде.

– Какое отношение к ним имеет моя одежда?

– Она неправильная, – ответила девчушка и снова потянула меня за рукав. – Такую носят Высокие. Уходите, прямо сейчас.

В этот момент группа юнцов тинукедда'я направилась через улицу в нашу сторону. Здесь было гораздо темнее, чем рядом с большим домом лорда Гондо, но даже в свете единственного факела они выглядели странно: кривые и сгорбленные, причем большинство так сильно, что, скорее всего, они страдали от серьезных проблем со спиной.

– Уходите, – взмолилась девочка, в голосе которой появился страх. – Если останетесь, будет плохо.

Выражения лиц юнцов сказали мне, что она права. Я повернулся и поспешно зашагал в сторону центра Серебряного дома и безопасности дворца Гондо.

Пока я ждал своего господина, я начал понимать, что произошло. Моя одежда... девочка сказала, такую носят Высокие. Она имела в виду, что я выглядел как аристократ зида'я, что показалось мне странным, поскольку я не сменил порванную и запачканную одежду, в которой шел по грязи и спутанным растениям за Винайю. Однако для маленькой девочки – и банды парней – я походил на одного из господ, а не был сгорбленным и сломанным, жалким тинукедда'я, вне всякого сомнения потерявшим здоровье на шахте Мезуту'а.

Мои собственные соплеменники увидели во мне врага, и только доброта ребенка спасла от жестокого избиения или того хуже.

Когда мой господин наконец покинул банкетный зал, он обнаружил меня перед дверью, и я последовал за ним, но молчал всю дорогу до спальни на самом верхнем этаже высокого каменного дома. Я лег в постель, но долго не мог уснуть.

Судя по всему, Хакатри нашел Свидетеля в доме лорда Гондо, так как на следующий день мой господин сказал мне, что разговаривал с матерью, леди Амерасу.

Я не знал, о чем они беседовали – мне не полагалось задавать подобные вопросы, но по выражению лица моего господина я понял, что разговор получился не слишком приятным. Вне всякого сомнения, он сообщил Амерасу, кто из его отряда погиб в Долине Змея, что, конечно же, было нелегко для обоих. Однако он еще не знал, что его ждет более ужасная новость.

Когда на следующий день наступил рассвет, о чем сообщил знаменитый Колокол Призыва, мы направились назад, к Старым воротам и по подземному озеру. На сей раз по Проходу папоротников нас везла не хорошенькая Винайю, а юноша, принадлежавший к клану Небесное зеркало. Когда мы оказались на месте, мы разделили трапезу в доме леди Винадарты, на которой присутствовал и Ясноглазый Тарики, затем мой господин встал, чтобы произнести слова прощания, потому что Тарики и остальные члены отряда возвращались в Асу'а. Леди Винадарта вышла наружу вместе со своими родичами, чтобы пожелать им хорошего пути.

Тарики отвел моего господина в сторону, когда остальные вскочили на лошадей, и его обычно солнечное лицо, казалось, затянули тучи.

– Я молю тебя еще раз, добрый друг, – сказал он, – оставь Инелуки здесь, пока упрямство мешает ему здраво мыслить. Озерные жители о нем позаботятся, а позже мы вернемся с достаточным числом воинов из Асу'а и будем уверены, что сможем убить ледяного дракона.

– Ты не знаешь моего брата так же хорошо, как я, – покачивая головой, проговорил Хакатри. – Когда он в таком состоянии, он может вытворить все что угодно. Помнишь, в юности он поклялся, что вызовет на поединок лорда Каройя из-за какой-то ерунды, которую Инелуки посчитал оскорбительной? Я до конца своих дней буду благодарен высокому всаднику за то, что тот не поднял оружие против столь неопытного противника, ведь я не сомневался, что мой брат серьезно пострадал бы от руки Каройя. Нет, Винадарта и все ее подданные не смогут остановить Инелуки, когда он находится в одном из своих отвратительных настроений. Я должен остаться, пока его темная клятва висит над ним – над всеми нами, – чтобы удержать от какой-нибудь смертельно опасной глупости. И потому я прошу тебя, старый друг, скажи моей жене, что теперь я отношусь к ее предчувствиям исключительно серьезно и буду осторожен.

– Я думаю, леди Брисейю хотела бы услышать эти важные слова от тебя, а не от меня.

– Ну тут ничего не поделаешь.

Тарики, который крайне редко показывал свое неудовольствие, вздохнул.

– Значит, ничто не сможет изменить решение Инелуки остаться здесь или твое – находиться с ним рядом.

Хакатри покачал головой.

– Я еще не отыскал решения головоломки, которую предложил мне брат, но я не сдаюсь.

Тарики изобразил жест *грустное расставание*, прежде чем вскочить в седло.

– Тогда я буду молить Сад, ждущий всех нас, чтобы он не захотел получить в свою компанию двух молодых господ из Дома Ежегодного Танца, дорогой друг. Прощай!

Принц Кормах убедился, что его раненые товарищи эрны выздоравливают с помощью целителей Небесного зеркала, и тоже готовился покинуть переливавшиеся стены поселения Винадарты.

За мгновение, когда он смотрел на Хакатри, на его лице сменилось несколько выражений, точно ветер пробежал по поверхности воды, вспенивая ее, – как бывает у смертных.

– Вы пришли нам помочь, хотя не должны были, лорд Хакатри, – сказал он. – И лорд Инелуки, разумеется, тоже. Мы, эрны, никогда этого не забудем. Я желаю вам удачи, но, боюсь, потребуется больше, чем просто удача.

Вперед выступила леди Винадарта.

– Ты прекрасно знаешь, что меня сильно беспокоит опасная клятва Инелуки, которая каким-то образом связывает вас обоих, Хакатри из Дома Ежегодного Танца. – Она увидела, что младший брат Хакатри нахмурился. – Я буду говорить честно, юный лорд, и не важно, понравятся тебе мои слова или нет, но умоляю прислушаться к моему совету. Я не хочу, чтобы вы оба пострадали, ради ваших родителей и нашего народа. Если ты действительно твердо решил снова встретиться с Великим Червем, не дожидаясь помощи из Асу'а, в таком случае я прошу тебя поговорить с лордом Ксанико из Вороньего Гнезда. Он один из немногих живущих ныне знает, как убить дракона.

– Ксанико из хикеда'я? – Инелуки совсем не понравилось ее предложение. – Тот, которого называют «Изгнанник»? И какая от него может быть польза, с какой стати мы должны отправиться к нему в качестве просителей? Однажды он грубо оскорбил нашего отца. На самом деле оскорбил весь двор Асу'а во время единственной аудиенции, его изгнали и запретили возвращаться.

– Мне говорили, что он оскорбил многих, – сказала леди Винадарта с ледяной полуулыбкой. – И не только представителей наших кланов, но и собственных родичей хикеда'я, причем бесчисленное число раз – даже королеву Утук'ку. Именно по этой причине его называют Изгнанником и ему запрещено возвращаться в Наккигу.

– Прошу прощения, леди, но я считаю ваш совет глупым. – Инелуки махнул рукой и пошел прочь.

Винадарта покачала головой.

– В таком случае тебе решать, лорд Хакатри, является ли мое предложение стоящим. Ксанико живет на северной оконечности этих гор в высокой крепости, которая называется Маяк. Мой народ знает это место и старается избегать... Мы не беспокоим Ксанико, и он не беспокоит нас.

– Мы, эрны, ведем себя так же в том, что касается лорда Ксанико, миледи, – сказал принц Кормах.

– И поступаете мудро, – проговорила она. – Но ты, лорд Хакатри, можешь рискнуть вызвать гнев Изгнанника. Если кто-то и в состоянии поделиться с вами знаниями о драконах, так это он. На свете нет никого, кто знает больше о повадках жутких зверей и о том, как их убить.

– Спасибо за совет, леди. – Мой господин поклонился. – Я обещаю, что тщательно его обдумаю.

– Тогда удачи вам обоим. – Винадарта ушла, и ее соплеменники последовали за ней.

– Я скорблю о ваших потерях не меньше, чем о своих, – сказал Кормах моему господину. – И снова благодарю за помощь.

Его слова смутили моего господина.

– Не приписывайте мне ничего, кроме того, что я присматривал за своим упрямым братом, юный принц. И до сих пор мы ничего не сделали, чтобы решить проблему, которая привела вас к нам.

– Это больше чем проблема, – сказал Кормах. – Мы ведь говорим о драконе, причем одном из старых и очень опасных. Но, может быть, придет день, когда мы сможем снова вместе выступить против него – более успешно.

– Возможно, этот день наступит раньше, чем вы думаете, – сказал Хакатри. – Тогда я приду к вам в М'йин Азошаи.

– Теперь мы называем нашу страну Эрнланд. – Кормах протянул руку и сжал предплечье моего господина, немного удивив его: никто из смертных не держался столь свободно и открыто с моим господином или его родичами, по крайней мере, в мое время. – И до тех пор пока я жив, вам и вашему брату всегда будут там рады.

Мой господин посчитал совет Винадарты хорошим, в отличие от Инелуки, хотя собственного плана у того не было. А потому в тот день мы проехали совсем мало, только до перекрестка, где дорога к озеру Небесное зеркало встречалась с трактом Вествуд, шедшим вдоль гор, и остановились, чтобы решить, куда двигаться дальше – на север в сторону высокого замка Ксанико или на юг, к Серебряному пути и Долине Змея.

Обычно для меня не было ничего важнее споров между братьями, но сегодня мои мысли занимало множество других вещей.

То, что произошло в Зале Свидетеля, сильно меня беспокоило, как попавшая под кожу заноза, которую никак не получается вынуть. Вот только сегодня днем леди Винадарты пожелаала двум братьям удачи, даже не упомянув и не взглянув на меня, как будто я был обычным животным, вроде лошади или гончей. Одно дело – Эназаши, злобный старый тиран, но все считали леди Винадарту мудрой и доброй правительницей. Неужели я невидимка? Может быть, сам того не понимая, я как-то ее оскорбил? Или дело в том, что я недостоин внимания?

Хакатри продолжал умолять Инелуки забрать свою в запальчивости данную клятву, хотя мы оба знали, что этого никогда не произойдет. Не сумев убедить брата отказаться от своего обещания, мой господин стал уговаривать его прислушаться к совету Винадарты и разыскать изгнанного хикедая Ксанико.

– Что нам проку от такого, как он? – сердито спросил Инелуки. – Он в ярости покинул Наккигу, и с тех пор его никто не видел. Все говорят, что он наполовину безумен и не желает иметь ничего общего ни с кем-то из тех, кто принадлежит Саду, ни с кланом королевы Утук'ку, Хамака, ни Са'онсерей.

– Мне нет дела до того, что говорят, – ответил Хакатри. – Меня интересует только то, что *знает* Ксанико. Он последний из наших кланов, кто убил дракона собственными руками. Если ты твердо решил выполнить свою поспешно данную клятву, превратившуюся в веревку, которая потащит за тобой по крайней мере меня, если не многих других, тогда мы должны узнать как можно больше про громадного и опасного дракона. Раз уж упрямство и дурацкое обещание не дают тебе вернуться домой – а долг мешает мне тебя оставить, – у нас нет выбора, кроме как искать способ уничтожить Черного Червя.

– Не нужно меня попрекать своим чувством долга, – с горечью сказал Инелуки. – Если ты настаиваешь на том, чтобы моя клятва стала и твоей, почему тогда ты меня порицаешь? В любом случае разве может существовать некое тайное знание о том, как убить Червя, известное одному лишь мелкому аристократу хикедая, изгнанному из Наккиги?

– Во-первых, знание о том, как остаться в живых, – ответил Хакатри, находившийся в ярости лишь немногим меньше брата, хотя его голос звучал более сдержанно. – Мы с тобой его видели, ты и я, – длина существа такова, что он не смог бы целиком поместиться в Пруды Трех глубин. Однако ты отказываешься вернуться в Асу'а, где память нашего народа, тех, кто еще жив и кто умер, возможно, помогла бы нам отыскать ответы, к тому же там мы соберем отряд, чтобы начать охоту на дракона. У нас нет другого выбора, кроме как просить совета у Изгнанника.

– Мне не требуется...

– Тебе не требуется. Ты не хочешь, – не дал ему договорить мой господин. – Тебе известны какие-то другие слова, брат? – Я редко видел Хакатри в такой ярости. – Как ты думаешь, почему мы вообще здесь оказались? Почему не смогли похоронить твою любимую Йоу и еще полдюжины наших родичей, которые остались лежать в вонючем болоте? Все потому, что ты думаешь только о себе – о *своем* гневе и *своей* гордости.

– Не упрекай меня в смертях, брат. – В наполненном яростью и болью голосе Инелуки я услышал такое отчаяние, о котором даже не подозревал. – Не сомневайся, я прекрасно знаю, кто виновен в их гибели. Мне известно, почему они расстались с жизнью. Как ты думаешь, что заставило меня дать клятву, если не понимание моей страшной вины? Но больше никто не должен пострадать из-за моего позорного, легкомысленного решения найти Червя – ни ты, ни Тарики Ясноглазый, ни другие твои друзья, никто. Это только мое бремя. И я не нуждаюсь в советах хикедая.

– В таком случае ты дурак, – с горечью сказал Хакатри.

– Это справедливо, – сказал его брат с кривой усмешкой, заставившей меня отвернуться, так больно мне было на него смотреть. – Я часто жил так, будто я на свете один, ты сам много раз мне говорил, и считаю правильным, если я и умру в одиночестве.

Они ссорились так долго, что я заснул и, проснувшись глубокой ночью, услышал, до чего они договорились: Инелуки категорически отказался взять свою клятву назад, но Хакатри выиграл спор о том, чтобы попросить помощи у Изгнанника Ксанико, и я почувствовал некоторое облегчение. Должен сказать, я нередко видел, как их разногласия заканчивались именно так. На самом деле, мне кажется, Инелуки предпочитал, чтобы его брат решал, какими будут их дальнейшие действия, получая свободу сражаться за свои желания, будь то нечто требовавшее смелости, мести или самая обычная глупость; он прекрасно понимал, что в конце победу одержит осторожность Хакатри. Но этой ночью оба знали – как и я, – что необдуманная, данная в гневе клятва определила нашу судьбу.

Утром, как только рассвело, мы втроем отправились на север по Вествудской дороге, которая вилась вдоль подножия гор Солнечные ступени, что нависали над нами, точно свирепый ураган, застывший на небе. Мы направлялись к самому северному пику гряды – Маяку.

И хотя сезон Обновления уже начался, до этой части мира он еще не добрался. Серое небо, короткие, но холодные дожди и ветер, который, казалось, не мог решить, в какую сторону дуть. И как бы я ни кутался в плащ, я все равно мерз.

В первую ночь мы остановились в узкой лесистой долине, напомнившей мне Змеиную, хотя главное сходство состояло в тишине одиночества, что нависла над этим местом. Сияние звезд скрывал всепроникающий туман. Клятва Инелуки и то, к чему она могла нас привести, тяжким бременем давили на братьев и меня. Они почти не разговаривали, только сидели и еще долго смотрели в огонь, когда я наконец провалился в глубокий сон.

Мы ехали несколько дней, в основном молча, голые очертания гор все время нависали над левой стороной дороги, пока мы не добрались до дальнего конца гряды.

Крутые скалистые склоны северных пиков гор Солнечные ступени кое-где заросли вереском, папоротниками и мхом, а на самых высоких участках сумели выжить несколько деревьев. Над землей поднимался туман, но не слишком высоко, окутывая склоны. Частенько он оказывался таким густым, что я ничего не видел, кроме лошадей братьев впереди.

Когда мы добрались до последней группы горных пиков, самым высоким из которых был Маяк, мы свернули на дорогу поменьше, что вилась по крутому склону, и наши лошади пошли медленнее, стараясь избегать глубоких выбоин, оставленных колесами фургонов.

Мой господин рассказал, что когда-то на вершине горы первые зида'я разжигали огромные сигнальные костры для тех, кто путешествовал в этих пустынных землях. Поселенцы тех ранних времен поставили сторожевые башни, когда с неизвестного им запада стали появляться смертные, но старые редуты давно превратились в прах. После долгого отсутствия аристократы зида'я и хикедая постепенно, друг за другом, снова пришли сюда и построили дома около пиков, не обращая внимания на смертных, что расплозились по болотистой местности внизу.

Думаю, большинство бессмертных стремились к одиночеству, хотя не всегда по столь же очевидным причинам, как нынешний хозяин Маяка. Но, несмотря на суровую погоду и

удаленность от населенных мест, эта часть мира обладала диковинной, дикой красотой, оставшейся со мной навсегда после первого путешествия туда.

Я почти ничего не знал про пользовавшегося дурной славой Ксанико сей-Хамака, аристократа хикед'я, к которому мы направлялись, если не считать того, что он являлся дальним родственником королевы Утук'ку. (Она прожила очень, очень долго после смерти своего единственного ребенка, и все ее родственники стали дальними.) Позже я узнал о нем больше.

Ксанико прославился – в плохом смысле слова – среди представителей своего народа из-за «Письма изгнанника», длинной и сложной поэмы, которую написал перед тем, как покинуть Наккигу. Утук'ку запретила своим подданным держать ее у себя, читать или даже упоминать, но это не помешало многим в кланах кейда'я, как хикед'я, так и зида'я – особенно народу моего господина, которые не боялись казни за признание существования поэмы, с ней ознакомиться.

В поэме Ксанико говорилось о жизни при развращенном дворе, правительница которого когда-то была доброй и справедливой, но стала жестокой и мстительной; хотя ее имя ни разу не называлось и очевидным образом страну автор выдумал (возможно, Ксанико все еще испытывал остатки симпатии к клану Хамака), ни у кого не вызывало сомнений, о ком шла речь. Изгнаннику чудом удалось бежать из надежных каменных стен Наккиги, всего на час опередив стражников, Королевские Зубы, отправленных Утук'ку, чтобы его арестовать. После того как Ксанико много лет скитался и его, вслед за остальными, не принял клан моего господина, он наконец поселился на вершине Маяка, восстановил древний замок и назвал его Воронье Гнездо. Он женился, что вызвало множество разговоров и сплетен среди родичей моего господина, но, когда мы ехали вверх по извивавшейся дороге, я не понимал, почему его выбор жены так взволновал зида'я.

По мере того как мы поднимались все выше в горы, у меня возникли проблемы с легкими, в то время как Морская Пена, как и всегда, казалась неутомимой. Мы миновали несколько ферм, примостившихся на горных террасах, и видели животных на высокогорных лугах, однако мы ни разу не встретили их смертных хозяев, как будто путешественники были здесь не просто редкостью, но их следовало опасаться. Мрачное небо и туман, липнувший к склонам, приглушали все цвета, и бороться с ощущением, что ты попал в чуждый мир, которому нет до тебя никакого дела, оказалось очень трудно.

Замок Воронье Гнездо, квадратный и довольно скромный, примостился на высоком уступе, где когда-то, давным-давно, стояла башня с маяком. Пустые черные окна выходили на унылые луга, раскинувшиеся у основания горы; крыши из шиферной плитки блестели от дождя даже в наступавших сумерках. Только позже я понял, что замок расположился так, чтобы наблюдать за неприятелем с севера, из Наккиги, бывшего дома Ксанико. Казалось, замок опасался не только врагов, но и любых других посетителей, и спрятался от всего мира. Над скучными стенами из темного камня торчала одинокая башня, точно подозрительный сосед, выглядывающий за ворота. На стенах я заметил нескольких вооруженных стражей, это были первые существа, подобные нам, которых мы встретили за довольно приличное время. Они молча наблюдали, как мы приближались к воротам.

Я сильно удивился, когда сообразил, что воины, которые вышли из сторожевой башни, смертные. После того как братья представились, им пришлось довольно долго ждать, потом решетка поднялась и нас впустили внутрь. Дворик за воротами оказался узким, лишенным любых украшений, как и стены, а высокая башня замка выглядела мрачной.

Маленький отряд воинов подвел нас к входу в большой зал.

Когда дверь распахнулась, нас приветствовала, как сначала мне показалось, аристократка зида'я. И только после того как я к ней подошел и увидел цвет ее кожи, куда более бледный оттенок золота, чем у Хакатри или Инелуки, мне стало очевидно, что она не принадлежит ни к одному из кланов, а является, как и я, тинукед'я. Она была одета в скромную домотканую

одежду, но вела себя как благородная леди; я не мог отвести от нее глаз, что-то в ней напомнило мне мать моего господина, леди Амерасу – но не чертами лица, а спокойствием и самообладанием.

– Входите, пожалуйста, лорды Хакатри и Инелуки, – сказала она. – Добро пожаловать в наш дом. Я Са-Райан Она, хозяйка этого дома. Мой муж скоро спустится. – Она улыбнулась – и мне показалось, что ее улыбка предназначалась мне, хотя знал, что наверняка ошибаюсь, – а затем жестом предложила нам следовать за ней в темный скромный зал.

Когда мы расселись за столом, она велела слугам принести закуски и напитки и сказала, что ее ждут важные дела, но ее муж очень скоро к нам присоединится. Затем, к моему удивлению, она посмотрела на меня и сказала:

– *Дин соу-носа бейя Вао-йа уллури.*

Я не имел ни малейшего понятия о том, что означали ее слова, и мне лишь оставалось в недоумении смотреть ей вслед.

Инелуки повернулся к моему господину.

– Я слышал, что Изгнанник взял в жены женщину из клана Детей Океана, но считал, что это еще одна причудливая сказка. И все же она хорошенькая. Я не стал бы выгонять ее из своей спальни.

Хакатри нахмурился.

– Мы здесь гости, брат.

Прежде чем Инелуки успел ответить, в дверном проеме появился очень высокий мужчина в сопровождении нескольких воинов. Инелуки вскочил – возможно, его пальцы даже сжали рукоять меча, – но Хакатри положил руку ему на плечо.

– Приветствую вас, лорд Ксанико, – сказал мой господин, вставая и кланяясь. – Мы с братом благодарим вас за гостеприимство и время, которое вы согласились нам уделить.

– Я лишь предложил вам хлеб и соль, – проговорил низким неспешным голосом вошедший мужчина. – Дам ли я вам что-то еще, зависит от того, что вы скажете.

Ксанико оказался одним из самых высоких людей, которых мне доводилось видеть. Его макушка с седыми волосами была на ладонь выше моего господина и его брата, которые считались высокими среди зида'я.

Ксанико оделся во все черное, его невероятно белая кожа, характерная для всех хикедая, казалась тонкой и прозрачной, что свидетельствовало о прожитых годах, но поведение было на удивление юношеским, и он двигался с поразительной живостью и изяществом. Ксанико жестом предложил Хакатри и Инелуки садиться, но сам остался стоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.